

ХРОНИКИ СЕМИ КОРОЛЕВСТВ

НАЧАЛО КОНЦА

Ярослав Заболотников

18+

Хроники семи королевств: Наследие

Ярослав Заболотников

**Хроники семи королевств:
Начало конца. Том 2**

«Автор»

2021

Заболотников Я. Г.

Хроники семи королевств: Начало конца. Том 2 /

Я. Г. Заболотников — «Автор», 2021 — (Хроники семи королевств: Наследие)

Отправившимся в путешествие героям предстоит ступить на земли горного королевства, чтобы найти ответы на свои вопросы и стать на шаг ближе к тайне исчезновения магии. Укрытый снегами пик Живой Горы хранит немало древних ужасающих секретов, тесно сплетённых с мрачным туманным пророчеством. Цена истины слишком высока. Странники рискуют горько пожалеть о своей попытке отыскать правду, давно занесённую пылью веков... и случайно ли?

Ярослав Заболотников

Хроники семи королевств:

Начало конца. Том 2

Пролог

С наступлением осени бескрайние леса Эльтарона объял золотой багрянец, по праву времени вытеснив изумрудное великолепие лета. Яркие, словно охваченные огнём, деревья неспешно роняли свой дивный наряд, устилая землю необычайно пёстрым ковром, изредка вздымаемым проказником-ветром в маленькие красно-жёлтые вихри. И только величественные сосны и ели, предчувствуя скорые холода, лишь крепче кутались в колючие малахитовые одеяния.

Именно в такую, дышащую туманами, пору, праздничным утром Дня Урожая, было суждено родиться наследному принцу Люсьену де`Монте. Посчитав это добрым знаком, король вмиг объединил два благодетельных события, превратив их в грандиозный недельный фестиваль. Младенец встретил мир с крепко сжатыми кулачками, а спустя годы стал полным отражением отца: честолюбивым, сильным и бесстрашным, как и полагается будущему монарху. Пусть юный возраст пока не позволял впитать всю глубину мудрости, король Альрик де`Монте возлагал на сына огромные надежды.

Этой осенью Люсьену исполнилось двадцать, и в назначенный судьбою день улицы столицы украсили разноцветные праздничные флаги. Толпы горожан стекались на широкую мощёную площадь перед замком, чтобы воочию узреть вышедшего на балкон короля, услышать его возвышенную, гордую речь. В этот раз уже немолодой, увенчанный серебристой сединой Альрик де`Монте предстал перед тысячами лиц вместе с белокурым сыном и даже позволил ему держать слово первым. Собравшиеся встретили их выступление искренними овациями, и по взмаху украшенной перстнями руки Энсиль охватил винный фестиваль с грандиозной ярмаркой, танцами и весёлыми играми. Высший свет же ожидали другие развлечения: изысканное пиршество в тронном зале и вечерний бал.

Когда по улицам города вовсю шествовали народные гуляния, королевская семья в окружении аристократического общества собралась за единым столом, ломившимся от роскошных яств. Все, от близкого круга высокопоставленных лиц до иностранных гостей, стремились выразить юному принцу почтение и заранее озаботиться расположением будущего правителя. Шикарные дары буквально поглотили специально отведённый для них стол, что стоял у стены между двумя золочёными канделябрами. Даже издалека можно было наблюдать, как в свете пламени серебрилась клетка с сонно прищурившейся белой совой, как переливалась искрами расшитая золотом бархатная мантия, как играли всеми цветами радуги инкрустированные драгоценными камнями ножны, выполненные из воронёной стали, подобно покоившемуся в них мечу. А, подойдя ближе, лицезреть высеченные из голубого и серого мрамора шахматы, изящное перо в чернильнице из редкого небесного металла, изготовленную в кожаном переплёте книгу великого Монси Виррея, сквозь все страницы которой проходило вставленное в выемку алмазное сердце и другие, не менее значимые подношения.

Но никакие богатства не могли затмить красоту благородной леди Анабель, черноволосой графини, всецело приковавшей внимание Люсьена. Она то и дело бросала на принца игривые взгляды, отчего тот не мог дожидаться, когда закончится застолье и начнётся бал, где он сможет поближе узнать таинственную незнакомку, по слухам, приехавшую из пестрящей цветами Ардонэйзии.

Заметил это и сидевший рядом с сыном король. Наблюдая на губах Люсьена неприлично озорную улыбку, он отодвинул от себя тарелку с недоеденным рябчиком и, побарабанив паль-

цами по резному подлокотнику трона, трижды хлопнул в ладоши. Пока маячившие вдалеке жонглёры и шуты, давно ставшие частью неприметного фона, откланивались да спешно покидали зал, Альрик повернулся к вмиг посерьёзневшему принцу и негромко сказал:

– Ты когда-нибудь задумывался, почему наш род правит Эльтароном вот уже четыре долгих столетия?

– По праву, дарованному нам богами, – ответил Люсьен после короткой паузы. – Величие и сила династии де`Монте... – увидев поднятую ладонь отца, он смиренно замолчал.

– В твои годы я полагал точно так же, – король опустил руку и снисходительно улыбнулся. – Но в день, когда мальчик становится возмужавшим юношей, отец открыл мне глаза. Я решил сохранить эту традицию. Пришло время и мне явить тебе правду, – он величаво встал, собрав на себе взгляды всех присутствующих, после чего выразительно заговорил: – История Эльтарона напоминает растущую розу. Невзрачный хрупкий стебелёк, однажды потянувшийся к небу, сумел превратиться в прекрасный благоухающий цветок. Вершину растения украшают нежные яркие лепестки, но чем ближе к земле, тем грубее стебель и острее шипы. Может показаться, что истоки связаны с могуществом и силой... Однако это утверждение ошибочно. Истина кроется в корнях, начавших свой путь с тонких робких прожилок и возраставших из малого семени столь удивительный цветок. Узрите же, с чего всё начиналось... – Альрик дал знак часовым у входа, и те распахнули тяжёлые, отливавшие золотом ворота.

В тронный зал вошли два десятка мужчин, несущих громадные рамы с натянутыми на них белыми полотнами, несколько музыкальных инструментов и большую, трёхногую жаровню. О нашумевшем в королевстве театре теней и их представлении об истории появления Эльтарона не слышал только глухой.

Труппе выпала редкая честь выступать в замке на королевском банкете, и они основательно подготовились, чтобы поразить избалованную зрелищами знать до глубины души. Представители высшего сословия с любопытством рассматривали старинные костюмы актёров, висевшие на их поясах деревянные мечи. Не менее внимательно следила за оружием и рассредоточенная по периметру стража: хоть мечи и не были настоящими, а мужчин тщательно обыскали, за безопасность королевских персон и их гостей они отвечали головой.

Пока актёры устанавливали рамы перед жаровней, создавая из них белую стену, от группы отделился щуплый мужчина средних лет в круглых очках и висевшей за спиной виолончелью. Он остановился на узорчатом зелёном ковре напротив длинного стола с трапезничающей знатью и, коснувшись рукой груди, учтиво поклонился:

– Ваше величество, Лаверт, глава странствующего театра теней, прибыл в замок, чтобы сделать ваш вечер незабываемым, – он поправил очки, заискивающе взглянув на короля.

Монарх молча кивнул. Поклонившись ещё раз, Лаверт проследовал назад и вместе с труппой скрылся за тремя составленными вместе рамами. Вальяжно расположившийся на троне Альрик приготовился по достоинству оценить необычное представление. Ведь это был единственный театр, где тени надетых на руки кукол заменяли полноразмерные силуэты актёров. Слуги с бронзовыми колпачками, напоминая летающих от цветка к цветку пчёл, уже обошли все канделябры, оставив на каждом лишь по одной горящей свече. Вокруг заметно потемнело. Взгляды замерших в предвкушении аристократов были обращены к сереющему в полумраке полотну.

И вот, знаменуя начало спектакля, тронный зал пронзила тревожная мелодия виолончели. Её протяжный плач оборвал тяжёлый удар барабана, и вспыхнувшая жаровня окрасила натянутую ткань в ярко-оранжевый цвет, явив зрителям живую мерцающую картину, в центре которой темнели три таинственные фигуры. Судя по боевым стойкам и направленным друг на друга мечам, они были врагами. Покачиваясь с клинками наперевес, подобно зачарованным змеям факира, каждый из них выжидал идеального момента для атаки, и малейшее движение соперника могло спровоцировать кровопролитие. По залу прокатилась отрывистая барабан-

ная дробь, затерявшаяся смутным эхом под высоким сводом. Однако, вместо битвы, под одиночный удар барабана они скрестили оружие, подняв его высоко над головами, словно хотели дотянуться до небес. Слух знати уладила умиротворяющая музыка, а вслед за ней раздался громкий мелодичный голос:

– Четыре века назад три враждующих лорда стали единым целым, положив начало великому «Ордену стального древа».

Слева и справа от стоявшей троицы стали возникать силуэты воинов. Они били себя кулаком в грудь и, упирая мечи в пол, покорно преклоняли колени.

– Ордену, объединившему большинство воителей лесного королевства, – продолжил вещать рассказчик. – И смерть оставила эти земли... На выжженные войной поля упали прохладные капли надежды, а вслед за ними из-под растрескавшейся тверди пробились первые ростки милосердия.

Затрубил победный рог, и крайние лорды развели клинки в стороны, превратив оружие в развевающиеся флаги. Центральный поднятый меч обернулся знаменем.

– Протяжный вдовий плач сменился залиvistым детским смехом. Острую сталь тёмных оружейных покрыл многолетний слой пыли. Грянула новая эпоха, светлый период мира и согласия, – радостный голос рассказчика сменился настороженным тоном: – Но брошенное в бездну прошлое не хотело умирать. Оно отчаянно карабкалось по отвесным стенам, пока не наточило когти, которые позволили ему взобраться по скалам веков...

За спинами воинов проступила бледная тень огромного оскаленного черепа, после чего раздался низкий, зловещий рык: – И тогда оно вернулось, чтобы забрать своё из недостойных, давно обессилевших рук благодетелей!

Огонь внезапно угас, а через секунду под рёв горна вспыхнул с новой силой и изменил цвет, окрасив полотно в кроваво-красный. Зрители восторженно ахнули. Вместо воинов перед ними предстал стоявший на четвереньках силуэт, из которого торчало множество мечей. Поверженный напоминал подушечку для иголок, и, осознав всё зверство явленной картины, некоторые, особо впечатлительные, гости прикрыли рты ладонями. Слушая тяжёлые удары барабана, до боли похожие на ритм сердца, король нахмурился, не припоминая в летописях показываемых событий, а когда рассмотрел на голове «убитого» зубцы короны, то и вовсе вскочил как ошпаренный.

– Как вы посмели переписывать историю?! – Альрик гневно ударил кулаком по столу, резанув слух присутствующих звоном вздрогнувшей посуды. – Стража! Схватить их!

Едва он отдал приказ, красная сцена резко потухла, будто жаровню накрыли глухой крышкой. Центр зала объял полумрак, обрамлённый слабым свечением стоявших вдоль стен канделябров.

– Не дайте им сбежать! – поднявшись с трона, не столь богатого, нежели обитый бархатом престол монарха, принц указал на метнувшуюся в сторону тень. Он повернул голову к тяжело задыхавшемуся королю, которого, как ярого поборника исторических ценностей, подобное возмутило до глубины души, и тихо сказал: – Не волнуйся, отец. Я лично проконтролирую, чтобы каждый из них ответил по всей строгости закона.

Величественно перекинув через плечо плащ и примерив фальшивую улыбку, Люсьен уже собирался успокоить шокированных неприятным инцидентом гостей, как вдруг вылетевший из темноты факел подпалил, как оказалось, пропитанное маслом полотно. Выросшая из ниоткуда стена пламени ослепила подбежавших стражников, и те, шурясь и закрывая лица от яркого света, тут же попятились назад. В руках стоявших спиной к пожару актёров блеснули тонкие кинжалы, ожидавшие своего часа искусно сокрытыми в деревянных мечах, – выстроенная полукругом труппа перешла в атаку.

Увидев, как с перерезанным горлом рухнул один из стражей, Альрик побледнел и, тяжело опустившись на трон, изумлённо прошептал:

– Измена...

Застанные врасплох стражники в первые же секунды сражения потеряли не меньше половины соратников и теперь, проигрывая противнику числом, один за другим замертво падали на пол. Пронзительный женский визг, возвысившийся над лязгом металла и какофонией воинственных выкриков, вывел гостей из ступора. Началась паника. Выскакивая из-за стола и с шумом роняя стулья, люди принялись разбегаться. Инстинкт выживания сорвал золото величественных масок, обнажив примитивную животную натуру: обезумевшие от ужаса аристократы врезались друг в друга, толкались не хуже склочных баб на ярмарочной распродаже. Круглолицый грузный господин, рорхский посол Тоби-Мизако, наступил на упавший кубок, потерял равновесие и беспомощно растянулся на полу, тут же заорав от того, что пальцы его руки затрещали под чьим-то жёстким каблуком. Наблюдая воцарившийся вокруг хаос, Люсьен схватил потрясённого короля под локоть и помог ему встать:

– Скорее, отец! Уходим! – но едва принц бросил взгляд на маленькую дверь в задней части зала, как внутри всё похолодело: выход преграждал грозно скрестивший руки верзила, тот самый, что пару минут назад бил в большой барабан. Вокруг бугая, не осмеливаясь приблизиться, стояло не меньше пяти перепуганных гостей. Обернувшись на жуткую резню за спиной, один из них предпринял попытку прошмыгнуть в коридор, надеясь, что здоровяк окажется неповоротливым. Амбал схватил юркнувшего аристократа за шиворот и, лениво наложив могучую пятерню на подбородок, рванул голову в сторону – тонкая шея издала звучный хруст.

– Следующий, – отбрасывая тело в сторону, пробасил бугай.

До смерти перепуганные люди кинулись врассыпную.

– Это конец... – обречённо изрёк король, безмолвно наблюдавший хладнокровное убийство.

– Ещё нет, – процедил сквозь зубы принц, глядя на сверкавшие среди даров ножны. – Держись меня, отец...

Расправившись со стражей и завладев длинными мечами, задумавшие государственный переворот бандиты принялись убивать метавшуюся по залу знать.

– Никого не щадить! – рявкнул возглавлявший восстание седовласый бородач. – Ни одна живая душа не должна покинуть этот зал! – он метнул кинжал в спину одетого во фрак мужчины, который, упав на колени, попытался дрожащими руками дотянуться до лопаток, а затем тяжело рухнул на пол. – Короля с выродком оставьте мне... – с хищной ухмылкой добавил Бальтазар, задержав взор на красной мантии Альрика де'Монте.

Один из головорезов поймал за волосы пробежавшую мимо графиню:

– Какая смазливая мордашка. Я бы позабавился с тобой, но...

– Прошу, не надо, – взмолилась леди Анабель, не отводя испуганного взгляда от блестевшего у него в руке кинжала.

Бандит загадочно улыбнулся, молча прижал девушку к себе и, принудив к долгому поцелую, вонзил клинок ей в бок. Хоть Бальтазар и приказал всех незамедлительно убить, он не спешил отнимать жизнь молодой графини, позволив себе насладиться нежностью её губ, сорвать с них последние мгновения угасающей жизни. Глядя в переполненные ужасом глаза и игнорируя предсмертные трепыхания девушки, разбойник медленно проворачивал кинжал, пока не ощутил на языке металлический привкус крови.

– Жаль... – он позволил обмякшему телу упасть и, вытерев рот рукавом, снова устремился в бой.

Охранявший запертые ворота бандит, что от скуки втыкал меч в мёртвого стражника, расхохотался, глядя, как вооружённый двумя кинжалами карлик занырнул под длинный стол, из-под которого тут же донеслись душераздирающие вопли. Выползший из-под белой шёлковой скатерти слуга хрипло закашлялся и перевернулся навзничь, судорожно водя ладонью по

десятку колотых ран на животе. Немного погодя, он замер, остановив пустой взгляд на догорающем полотне. Взмывавший под высокий свод пепел медленно оседал на разбросанные по залу трупы: серые частички замирали на перекошенных болью лицах, залетали в распахнутые рты, покрывали отрубленные руки, коими некоторые пытались наивно защититься от занесённых клинков. Великолепный зелёный ковёр покрылся тёмными пятнами и хаотичными вереницами бордовых следов. Смерть собрала достойный урожай.

– Так, так, та-а-а-к... И кто тут у нас? – Бальтазар положил меч на крепкое, вопреки немолодым годам, плечо, отчего с багряного лезвия в дол сбежали несколько струек крови. – Какой грозный! – усмехнулся он, глядя на принца, который молча направил на него блестящее остриё. За спиной Люсьена, держась за сердце, шумно дышал король. – А старик-то твой, кажется, дышит...

– Сдайтесь сейчас, и я милостиво дарю вам быструю смерть, – держа клинок на вытянутой руке, произнёс принц.

– Слышали, парни?! – глава разбойников оглянулся на подошедших бандитов, и они разразились таким громким хохотом, что Люсьен на миг невольно прищурился. – Ты хоть знаешь, кто я такой? – вновь посмотрел на королевского отпрыска Бальтазар.

– Это не имеет значения, – принц гордо поднял подбородок.

– Вот как? – седовласый задумчиво покивал головой. – Неужто столица потеряла страх перед «Бездумными»?

Услышав последнее слово, Люсьен изменился в лице, а Альрик, жадно глотая ртом воздух, упал на колени.

– То-то же, – расплылся в улыбке Бальтазар.

– Отец! – сдав оборонительную позицию, принц бросился к побелевшему королю.

Люсьен перекинул через шею вялую руку монарха, чтобы помочь ему подняться, но тот остановил предпринятую попытку трясущейся ладонью. Сжав её в кулак, Альрик перевёл на замершего сына полный сожаления взгляд и, преодолевая объявляющую нутро боль, прошептал:

– Это... моя вина...

Спустя мгновение он дёрнулся и, издав клокочущий выдох, уронил подбородок на грудь. Слетевшая с поникшей головы корона со звоном упала на пол. Отбрасывая золотые отблески, она покатилась по гладкому мрамору, пока не ударилась о чьё-то изрубленное тело, где жалостливо задрезбуждала в луже вязкой крови.

– Король умер... Да здравствует король! – с издёвкой воскликнул бородач, смотря в искажённое гневом лицо принца. – Только вот править ты будешь недолго...

Осторожно положив отца и закрыв ему глаза, Люсьен встал. Его остервенелый взор заметался по мерзко улыбающимся рожам разбойников:

– Грязные ублюдки, – без тени страха процедил принц. – Вы все покойники. Пусть мне суждено погибнуть, но когда сюда ворвётся стража...

– И где же она? – оборвал его Бальтазар и наигранно огляделся. – Может, тугоухие тупни не слышали криков? – словно что-то вспомнив, седовласый поднял указательный палец. – Точно! Ну как я мог забыть? У командира королевской стражи вчера пропала дочурка. Видимо, не находящий себе место отец просто забыл назначить послеобеденную смену караула. Или же дело в той странной записке, что он нашёл у себя дома? – на губах бородача застыла ядовитая ухмылка. – Столько дел... Не успеваю следить за событиями.

Наблюдая самодовольное лицо Бальтазара, Люсьен понял: помощи ждать неоткуда. Горечь утраты и безысходность ситуации пленили рассудок слепой яростью. Принц был готов бездумно броситься на врагов, когда в голове пронёсся луч озарения: а ведь старый разбойник прав – полминуты назад он стал королём. И пусть вместо триумфальной коронации его ждёт бесславная смерть, последнее в жизни решение должно стать достойным настоящего монарха. Даже если о нём никто не узнает. В этом сила истинного короля. И для этого не нужна корона.

Но что он мог дать родной стране в короткий миг своего правления? Попытаться одолеть лидера бандитов, главаря жесточайшей банды, которая не первый год держит в страхе всё королевство? Несомненно, за его обманчивой сединой скрывается многолетний опыт сражений, включая десяток подлых приёмов, что для Люсьена, воспитанного духом честных турниров, окажется смертным приговором. И дело было не в печальном конце, а в его бессмысленности...

– Что ж. Псина сдохла, пора прирезать и щенка... – Бальтазар снял с плеча клинок, и разбойники, все, как один, принялись молча бить себя кулаком в грудь, образовывая глухой стук, напоминавший биение сердца. – Если ты упадёшь на колени и поскулишь, возможно, я даже прикончу тебя быстро, – бородач стал неспешно приближаться. – А может, забавы ради выверну твои кишки.

Полностью отдавшись лихорадочному потоку мыслей, Люсьен не слышал провокаций, косясь на присевшего у колонны Лаверта, который с явной брезгливостью пытался отчистить случайно запачканный в крови сапог. Заметив боковым зрением движение, юный король рефлекторно поднял меч, но так и не отвёл взора от худощавого мужчины – единственного, кто не участвовал в бесчеловечной резне, а с изящной злорадной улыбкой наблюдал происходящее со стороны. Не воин и не разбойник. Однако, кем бы ни являлся представившийся хозяином театра Лаверт, в рядах банды головорезов он присутствовал не случайно. Возможно, его роль была гораздо важнее, чем казалась на первый взгляд...

Видя, как Бальтазар отводит руку для колющего выпада, Люсьен сделал то, чего ни глава «Бездушных», ни обступившие их головорезы никак не ожидали: придав оружию ускорение быстрым полуоборотом, метнул его в сторону. Удивлённый бородач только и успел взглянуть вслед сверкнувшему меж двух оторопевших бандитов клинку, который вертикально вращаясь, устремился напрямик в ничего не подозревающего Лаверта. Услышав непонятный приближающийся звук, протиравший обувь мужчина поднял голову, и ему в лоб тут же влетело тяжёлое навершие меча. Впечатанный в колонну затылок... Слетевшие очки... Выроненный из рук клочок ткани... Оставляя на благородном камне смазанный след, Лаверт повалился на пол без признаков жизни.

Это было бесчестно, но отчаянные времена всегда требовали отчаянных мер. Король сделал свой ход. О правильности его поступка судить не смертным, а богам, перед которыми он скоро предстанет. Сейчас же Люсьен, последний из династии де'Монте, чувствовал, как за его спиной стоят преисполненные гордостью духи предков. Готовый принять клинок в сердце, он развёл руки и дерзко улыбнулся.

Отбиваемый разбойниками ритм смолк. Взгляд главы «Бездушных» был прикован к присевшему возле Лаверта карлику, который осмотрев тело, отрицательно помотал головой: бесценный, гениальный ум, придумавший сложный и коварный план государственного переворота, теперь стоил не дороже фунта бараньих мозгов.

– Ты... – уставившись на Люсьена, разъярённо прорычал седовласый. – Жалкий выродок... – он схватил юного короля за горло и, заставив быстро пятиться, прижал его к ближайшей колонне. – Сейчас ты пожалеешь, что вообще когда-то вылез из утробы...

Не отводя озверевших глаз от престолонаследника, Бальтазар ударил плоскостью меча об пол – часть клинка обломилась и со звоном отлетела в сторону. Оставшаяся в руке половина тотчас же вонзилась в живот Люсьена. Однако вместо пронзительного крика бородач услышал только слабое мычание: стиснувший зубы юноша не хотел доставлять удовольствия своему убийце.

– Хм... Храбришься? А если так? – седовласый рванул обломок меча вверх, вспоров живот до самой груди.

Не в силах вытерпеть безумную боль, Люсьен истошно заорал.

– Другое дело... – губы Бальтазара искривились в гадкой ухмылке. Крепко держа юношу за горло, он отбросил меч в сторону. – А теперь ты узнаешь, за что меня прозвали «Костоломом»...

Бородач резко вогнал ладонь в рассечённую плоть – душераздирающий вопль молодого короля буквально наполнил весь зал: он отражался от стен, раненым зверем метался по помещению, нарастал чудовищным эхом.

Объятый пеленой ужаса разум призывал Люсьена сопротивляться, но повисшие плетью, отяжелевшие руки только и могли что судорожно покачиваться.

Нашупав правое нижнее ребро и ухватившись за него скользкими пальцами, седовласый что было силы рванул на себя, с мерзким хрустом выдернув из тела красный кулак с белевшей в нём дугой. Следом за ним из распоротого живота вывалился ворох блестящих кишок. Судя по безвольно повисшей голове, юноша потерял сознание.

– Так не пойдёт! – кость с характерным звуком упала на залитый кровью пол. – Мы же только начали! – тяжёлая оплеуха вывела Люсьена из обморочного состояния, и его лицо вмиг исказила гримаса нахлынувшей боли. – Продолжим?!

Ответом стали истерично надорванные крики. Довольно ухмыльнувшись, Бальтазар вновь запустил ладонь в разверзнутую плоть и выломал ещё одно ребро. Затем ещё. И ещё. Он делал это с пугающе циничной лёгкостью, будто не выворачивал кости из живой плоти, не истязал человека, а попросту ощипывал мёртвую курицу. Постоянно приводя жертву в сознание, бородач упивался процессом, смаковал каждое мгновение, даже забыв, что вокруг него отряд разбойников, с улыбками наблюдавших жестокую расправу. Неиссякаемые вопли королевского отпрыска ласкали их слух. Они знали, как только последний из рода де`Монте испустит дух, их ждёт совершенно другая жизнь: со знатными титулами, богатыми именами и даже слугами – всем тем, о чём лесные головорезы могли только мечтать. Достаточно было посмотреть на бледное, мокрое от пота, слёз и соплей лицо Люсьена, чтобы понять: ждать осталось не долго.

К пятому упавшему на пол ребру, юноша перестал шевелиться. Его мёртвый взгляд застыл на опрокинутом кем-то канделябре с десятком разлетевшихся вокруг свечей. Бальтазар отпустил тело – оно тут же сползло по колонне, со звучным шлепком плюхнувшись в багровую лужу. Вынув из кармана белый платок, седовласый аккуратно протёр забрызганную кровью бороду и обвёл строгим взором внимательно следивших за ним бандитов, которые один за другим преклоняли колено:

– Я, Бальтазар зен'Акстер, провозглашаю себя королём Эльтарона!

Глава 1

В трюме галеона царил полумрак. Единственным источником света служила висевшая на потолочном крюке масляная лампа, что, покачиваясь, нарушала тишину тихим скрипом, напоминавшим робкий писк крысы. Спёртый воздух насыщали запахи солёной рыбы, вяленого мяса и сухарей – обыденных для мореплавателей припасов, коими были заполнены расставленные у стен бочки и ящики. Прямо под светильником стояла девушка в плотной кожаной броне цвета дубовой коры. В правой руке она держала кинжал, в то время как между пальцами левой было зажато ещё четыре клинка. Напряжённый взор воительницы, подчёркивавший её строгие северные черты лица, устремлялся вглубь помещения, в темноту, неподвластную маленькому огоньку, плясавшему внутри стеклянной колбы над головой.

– Ну же, – бросила Эрминия, перебирая пальцами рукоять оружия. – Я жду... – она неторопливо посмотрела по сторонам, отчего перекинутая через плечо пшенично-золотая коса соскользнула с груди, коснувшись верха наруча.

Во мгле вспыхнули две красные точки, напоминавшие пару раскалённых углей – глаза вампириши, пристально наблюдавшей за ней из дальнего конца трюма. Северянка почувство-

вала на себе оценивающий взгляд, тот самый, которым затаившийся хищник обычно изучает будущую жертву. От такого зрелища многих бы прошиб холодный пот, но только не Эрминию, с молоком матери впитавшую простую истину: страх – удел слабаков. Кинжал в руке девушки перевернулся и лёг лезвием в ладонь, готовый к молниеносному броску.

– Давай, покажи уже, чего ты стоишь, – с вызовом изрекла Эрминия. – Если, конечно, не боишься...

Скрывавшаяся во тьме нежить сорвалась с места и ринулась напрямик к ней. Воительница быстрым, отточенным движением отправила клинок во мрак, но вампириша ловко увернулась, полоснув тьму сияющим взором. Северянка, перебрасывая кинжалы в правую руку, принялась один за другим метать их в стремительно приближающееся порождение ночи. Вырисовавшийся стройный силуэт со скоростью пантеры лавировал между рассекавшей воздух стальной, что, проносясь рядом, исчезала в темноте, заканчивая полёт отчётливыми деревянными стуками.

– Неплохо, – буркнула Эрминия, подгадывая момент для финальной атаки. – А как тебе такое? – последние два клинка она бросила дулетом сразу с обеих рук, полагая, что относительно близкое расстояние уже не позволит цели маневрировать.

Расчёт был верен. Однако воительница не учла находчивости вампириши, которая вмиг упала на колени и, грациозно изогнувшись назад, заскользила по пыльному полу. Вращающиеся клинки пролетели в дюйме от её головы. Угрожающе сверкая лезвиями, они скрылись во тьме и упокоились в очередном ящике. Порождение тьмы закончило скольжение рывком туловища вперёд и с низким звериным рыком устремилось к безэмоционально стоявшей воительнице.

На свет выскочила девушка в высоких, туго зашнурованных сапогах, обтягивающих кожаных штанах и корсете с изящными пряжками, надетом поверх светло-зелёной шифоновой блузки. Глубокий коричневый цвет искусно выделанной кожи прекрасно гармонировал с её волнистыми тёмно-каштановыми волосами, а утончённые, аристократические черты лица не могла исказить даже хмурая сосредоточенность. Обнажив два острых клыка, вампириша в одно мгновение оказалась возле Эрминии и, быстро схватив её рукой за горло, возликовала:

– Есть!

– Я так не думаю... – мрачно изрекла северянка, глядя в пылающее зарево замерших напротив глаз с чёрными как смоль вертикальными зрачками.

Вампириша ощутила остриё кинжала, которое несильно, но весьма выразительно упиралось ей под грудь.

– Шестой? Но откуда? – поникшим голосом промолвила она и отпустила соперницу. – Я же считала каждый клинок... – её глаза погасли, приобретя изумрудный оттенок и круглую форму зрачков.

– А не надо верить всему, что видишь, Лайла. Если враг не метит в спину, как последняя падаля, это не исключает его коварства. Стой здесь не я, а настоящий противник, ты бы уже собирала кишки по полу или билась в предсмертной агонии, – Эрминия строго взглянула на собеседницу и опустила кинжал. – Как говорил мой наставник: «Легкомыслие – та же слепота, только узнаёшь о ней слишком поздно».

– Поняла, – грустно кивнула вампириша. – Урок будет усвоен.

– Уж надеюсь, – сухо сказала северянка и, посмотрев на подавленную Лайлу, по-дружески ударила её кулаком по плечу. – Но ты стала лучше двигаться. Теперь и не скажешь, что принцесса.

Вампириша чуть заметно улыбнулась:

– Я уже давно не принцесса... Да и куда мне до твоих умений. При желании ты расправилась бы со мной первым же броском.

– Не прибедряйся, – усмехнулась воительница. – В реальном бою ты могла бы использовать магию.

– Но это не отменяет сказанных слов о моей беспечности, – Лайла вздохнула. – А она ставит под сомнение все достигнутые результаты.

– Верно, – с хитрым прищуром проговорила Эрминия. – Вижу, ты уяснила, что не так важно оружие, как тот, кто его держит. Прошлые тренировки не прошли даром. Это хорошо. Ладно, хватит на сегодня, – бросив клинок на крышку ближайшей бочки, она направилась к крутой деревянной лестнице, но, не услышав позади шагов, обернулась прямо перед узкими ступенями. – Ты идёшь?

– Чуть позже. Хочу немного поупражняться с магией.

– Как знаешь, – северянка зевнула и, ступив грубыми потёртыми сапогами на заскрипевшие доски, поднялась на нижнюю палубу.

Тяжёлый стук опущенного люка оставил вампиршу в привычном одиночестве. Теперь она могла экспериментировать с магией, не беспокоясь, что кто-нибудь заметит всполохи огня и поднимет тревогу, приняв колдовское пламя за пожар. Но сперва стоило собрать разбросанные по трюму кинжалы. Строгая воинская дисциплина, являвшаяся неотъемлемой частью тренировок, прививала и культуру обращения с оружием: Лайла направилась вглубь помещения, поглядывая по сторонам в поисках клинков. Ночное зрение позволяло без труда разбирать дорогу в темноте, превращая беспросветный мрак в подобие сумерек. Вампирические способности выручали и в процессе обучения: быстрая регенерация, основанная на вспышках гнева, буквально на глазах заживляла порезы и лёгкие ранения, однако с каждым разом исцеление давалось всё сложнее. Скорее всего, причиной этому служило долгое отсутствие крови, багрового дурмана, так вожделенного всеми созданиями Тьмы. Но ни воспетый сверхчувствительностью дивный вкус, ни последующая эйфория не стоили мук совести в моменты просветления – Лайла навсегда зареклась идти на поводу у своих тёмных желаний. В конце концов, она являлась необычным вампиром и даже могла безболезненно переносить солнечный свет. А значит, и всё остальное ей было по силам. Пять клинков, тихонько звякнув, легли на пыльный ящик – можно приступать.

Череда отточенных движений пальцами слилась с таинственным шёпотом заклинания, и на ладонях засияли колдовские руны. Бегло взглянув на пылающие огненные символы, Лайла взмахнула руками, высекая из воздуха россыпь ярких искр. Большие и маленькие, они тут же устремились вниз, заставив мглу трусливо забиться в глубокие щели, слиться с вытянутыми от ящиков и бочек чёрными тенями. Едва крохотные оранжевые звёзды коснулись пола и смеркли, трюм вновь утонул в полумраке. Но тьма ликовала недолго.

Глубоко вздохнув и сосредоточившись на дальней стене, вампирша выбросила вперёд объятые маревом руки. Из дрожавших от напряжения ладоней вырвался ослепительный поток пламени. Необузданный ревущий огонь разорвал стонущий сумрак, вмиг пересёк трюм и, ударившись о грубые доски, взорвался вихрем угасающих искр.

Проводя магические тренировки, Лайла пресекала все попытки колдовского пламени перебраться на посторонние предметы. А оно явно было не прочь полакомиться столь желанной рассохшейся древесиной, или вкусить парочку лежавших без дела пыльных мешков, или хотя бы обглодать какую-нибудь захудалую верёвку. Абсолютный контроль чар давался вампирше нелегко, но именно он позволял развивать силу воли и держать в узде дремавшую в душе тёмную сущность.

* * *

Едва Эрминия вышла на палубу, как ей в лицо ударил порыв солёного ветра – отголосок жуткого шторма, что им пришлось пережить этой ночью. Сейчас искрящееся в рассветных лучах море казалось спокойным, издевательски спокойным. Словно раздираемое молниями

чёрное небо, безумно свистевший ветер и накрывавшие торговый галеон огромные волны были лишь дурным сном. Но обитая стальными скобами трещина фок-мачты и усталые лица матросов напоминали об обратном. Впрочем, как и неприятный запах намотавшихся на канаты водорослей, которые лениво срывал и выбрасывал за борт коренастый юнга. Эрминию, входившую в число щедро заплативших за своё нахождение на корабле, заботы команды не интересовали, и она направилась к стоявшему на корме воину в чёрной, как душа старого пирата, кожаной броне. Прислонившись к мачте и поигрывая кинжалом, он задумчиво смотрел вдаль. Заметив боковым зрением подошедшую северянку, но не отводя глаз от алеющего горизонта, ассасин негромко спросил:

– Как тренировка?

– Тебе ли не знать, – с едва уловимой усмешкой изрекла Эрминия. – Готова поспорить, это твоя тень весь час маячила у люка. Всё никак не успокоишься?

– Я слишком много раз терял тебя... – после недолгого молчания ответил Рэксволд. – И в прошлый раз моя беспечность стоила тебе жизни...

– Но тем не менее я здесь... – воительница пожала плечами. – Видимо, смерть слишком малая плата за всё, что я натворила.

– Или твоя жизнь намного ценнее, чем тебе кажется... – ассасин покосился на возлюбленную, наградив её многозначительным взглядом.

– Конечно, – с сарказмом произнесла Эрминия. – И только поэтому клятый шторм не отправил эту громадину на дно, – она взмахнула ладонью и возмущённо добавила: – Пекло, Рэкси, не носи ерунды. Моя жизнь не ценнее шкуры дохлого пса.

Рэксволд ничего не ответил. Его карие глаза дрогнули в сторону поднимавшегося на корму черноволосого воина с оголённым торсом и широкими плечами. Скрипя тёмными кожаными штанами и на удивление тихо передвигаясь в тяжёлых, обитых железом сапогах, он преодолел последнюю ступеньку и направился напрямик к ним.

– Целы, смотрю, – приблизившись, заговорил воин. – Ну и ночка выдалась. Галеон швыряло будто щепку. Пары матросов уже не досчитались, – он посмотрел на лениво слонявшийся внизу люд.

Стихия потрепала не только команду корабля, но и его гостей, состоявших из сотни купцов, трёх десятков наёмников и группы авантюристов. Большинство из них выбралось на палубу порадоваться озарённому восходящим солнцем розовому небу, но некоторых к этому подтолкнула морская болезнь, и они без усталости извергали содержимое желудков за борт, портя открывавшийся с кормы пейзаж.

– Как поживает Бамбук? – с издёвкой в голосе спросил Рэксволд. – Он уже оценил твою затею тащить его через всё Бескрайнее Море? Можно подумать, в Виверхэле бы скакунов не нашлось...

Джон хитро улыбнулся:

– Мне этот нравится. Смышлёный, мощный, покладистый. Такой жеребец на вес золота, это я тебе как следопыт и охотник говорю.

– Конь как конь. Сено лучше с башки вынь, охотник, – с усмешкой бросил ассасин, прокрутив кинжал на указательном пальце. – А то больше на деревенского голодранца похож.

Джон провёл по распущенным волосам руками, собрал их в хвост и, вытащив из них солому, вновь позволил им упасть на мускулистые плечи.

– Другое дело, – одобрительно кивнул Рэксволд. – А то как деревенщина. Теперь хоть как городской голодранец...

– Да иди ты, – усмехнулся следопыт, по-доброму толкнув его в плечо, и огляделся. – А где Лайла? Снова практикуется с магией после тренировки? – немного сбавив тон при упоминании магии, Джон посмотрел в бледно-голубые, напоминавшие полупрозрачные льдинки, глаза Эрминии. – И как её успехи?

– Почему бы тебе самому не спросить её об этом? – неспешно проговорила девушка, пронзив его спокойным, но внимательным взглядом.

– Хочу услышать мнение наставника. Без прикрас.

– Без прикрас, значит... – сцепив пальцы за головой, Эрминия потянулась и хрустнула шеей. – На севере есть поговорка: «Не суди волка по клыкам». Пусть ей и далеко до хорошей воительницы, в привычном для меня понимании, но она быстро учится, а огненный дар делает её непредсказуемой соперницей. И у меня есть планы на этот счет: нужен крепкий щит, больше пространства и отсутствие посторонних. Тогда я скажу тебе, чего стоит её магия, – собранные губы девушки вытянулись в тонкую, чуть изогнутую полоску. – Предвкушаю славный бой...

– И звать вас будут Калека и Уголёк... – язвительно произнёс Рэксволд, уронив на неё насмешливый взгляд.

– Да, звучит как-то опасно, – согласился Джон, скрывая лёгкую растерянность за глупой улыбкой.

– Опасность закаляет, – холодно изрекла Эрминия. – Настоящий боевой опыт можно обрести только в схватке. И лучше получить ранение от друга, чем принести свою голову на блюдецке первому встречному ублюдку.

– И не поспоришь, – явно испытывая двойственные чувства, вздохнул следопыт.

– Не переживай. Я, как и всегда, верну тебе её целой и невредимой, – северянка чуть заметно пожала плечами. – В конце концов, вампирическое восстановление отлично справляется даже с переломами, – наблюдая его ошарашенное лицо, она спокойно добавила: – Расслабься. Я шучу. Ничего с твоей Лайлой не случится. Со мной – тем более.

Джон пристально всматривался в её безэмоциональный лик, стараясь узреть хоть намёк на шутку, но Эрминия была непоколебима.

– М-да, – сдался следопыт. – Похоже, я никогда не научусь понимать, где ты подтруниваешь, а где говоришь серьёзно.

– И немудрено, – Рэксволд смерил скользящим взглядом массивный торс следопыта и со скукой в голосе добавил: – Сила и ум обычно выбирают разных хозяев.

– А бывает, что ни первого, ни второго не дано, – как бы невзначай заметил Джон и усмехнулся, глядя как с наглой морды ассасина сползает самодовольная ухмылка.

Рэксволд со стуком вогнал кинжал в висевшие на поясе ножны и погрозил пальцем:

– На твоём месте я был бы более учтив со своим единственным проводником. На горных тропах Виверхэля сам чёрт ногу сломит...

– А то что? Бросишь нас с Лайлой в каком-нибудь ущелье? – лицо следопыта приняло мечтательное выражение. – Это ж сколько дней не слушать твоих шутек... Да-а-а, – довольно протянул Джон и, не сводя с него глаз, печально продолжил: – А потом ты соскучишься, вернёшься и всё испортишь. – Не дав Рэксволду времени собраться с ответом, он резко развернулся и направился к лестнице:

– Пойду посмотрю, как там Лайла. Если что – вы знаете, где нас искать.

– А он поднаторел... – Эрминия провожала взглядом удалявшуюся спину.

– Да, я тоже думаю, что его надо было выбросить за борт этой ночью, – пробурчал ассасин, перестав подпирать мачту. Всем нутром ему хотелось отвесить Джону пинка, да такого, чтобы он кубарем покатился вниз. Но, поборов гневные желания, он всего лишь заговорщически подытожил: – Выигранный бой не победа в войне. Посмотрим, кто кого уделает. Хотя всё, по-моему, и так очевидно? Да, Эрми? – не получив никакого ответа, Рэксволд покосился на возлюбленную.

Она смотрела невидящим взглядом в сторону опустевшей лестницы, глубоко уйдя в свои мысли, и не слышала ни его, ни звонко забренчавшей на палубе лютни, ни прошедших позади шумных торговцев. Трагическая история с невинными жертвами, со дня которой минул уже

месяц, наложила на душу воительницы гнетущий отпечаток, клеймо, что не смогут свести даже долгие годы.

Не в силах ей помочь, Рэкволд осторожно обнял северянку, устремив взор к яркому горизонту. Он верил в судьбу и знал: жизнь никогда не даёт второго шанса просто так. Когда-нибудь это поймёт и Эрминия.

* * *

Трижды повторив «Луч света» и метнув по огненному шару с каждой руки, Лайла решила закончить с атакующей магией, приступив к импровизации. В основе последней лежало экспериментальное заклинание, требовавшее запредельной крепости духа и высочайшей концентрации. Периодически вампириша дорабатывала его, чтобы не останавливаться на достигнутом и продолжать развитие колдовских способностей. Так некогда послушный огонёк перерос в танцующие языки пламени, а они со временем обрели собственную форму, пугающую и чарующую одновременно.

Несколько секунд Лайла сосредоточенно смотрела в темноту, ощущая каждую частицу магии, наполнявшую её руки сквозь сияющие колдовские знаки. Когда лёгкое покалывание достигло кончиков пальцев, она сомкнула перед лицом ладони, позволив руническим символам слиться воедино. В тот же миг в дальней части трюма закружились оранжевые искры. Они собирались в странное светящееся облако, всё чаще озарявшее помещение всполохами огня. Осторожно разведённые руки заставили мигающее пламя вытянуться и растечься по воздуху огненными ручьями. Сперва они напоминали яркие хаотичные кривые, но вскоре, словно огибая невидимую поверхность, раскалённые потоки очертили форму лошади. Чувствуя, как незримое напряжение перерастает в откровенную дрожь, Лайла стиснула зубы и резко соединила ладони. Струящиеся контуры объяло взревшее пламя, и перед ней предстал двухметровый огненный единорог – пылающий мираж, принявший образ близкого сердцу создания, последнее из которых пало четыре столетия назад. И если разум видел только художественно оформленное пламя, то безмолвно кричащая душа созерцала осколок давно минувших дней, тех самых, что идеальная вампирическая память делала до боли отчётливыми, будто это было только вчера.

Контролируя каждую частицу смертельно опасной иллюзии, Лайла неспешно опустила левую руку и решительно вытянула правую ладонь. Подчиняясь её воле, окружённый расплывающимся маревом единорог выдохнул белое пламя и, сорвавшись с места, устремился прямо на вампиришу. Сотканный из чистого огня, он скакал абсолютно бесшумно, но каждое его движение было наполнено жизнью: своей грациозной мощью фантом ничем не отличался от настоящего дикого жеребца. И это завораживало. Но не настолько, чтобы забыть всё коварство экспериментальных заклинаний: как бы ей ни хотелось прикоснуться к собственному творению, новые руны могли не выдержать тесного контакта со столь сильной концентрацией магии и попросту взорваться. В момент, когда раскалённый нос единорога почти коснулся ладони, Лайла прикрыла глаза – иллюзия тотчас же распалась, обдав тело жарким ветром и вихрем угасающих искр. Глубину трюма снова заполнила темнота, лениво отступавшая перед тусклым светом висевшей над головой лампы.

Едва всё смеркло, девушка обессиленно упала на колени и упёрлась в пол дрожащей рукой. Такое непрерывное напряжение изматывало похлеще физических тренировок: изобрази она ещё хоть огонёк – потеря сознания будет неминуема. Сквозь неровное дыхание вампириша услышала, как скрипнул люк. Как некстати кому-то понадобилось наведаться вниз: спустя минуту она бы, как обычно, пришла в себя. Хоть Лайла и старалась забыть о своём королевском происхождении, аристократические манеры не позволяли ей предстать перед кем-либо позорно стоя на четвереньках. Собрав волю в кулак, принцесса с трудом поднялась и повернулась лицом к лестнице, наблюдая возникшие на ступенях ноги. В глаза бросились зна-

комые обитые железом сапоги. Немного успокоившись, она скрыла удивление за тёплой улыбкой.

– Джон? Не ожидала... – вампирша так и не закончила фразу. Её повело в сторону, и, врезавшись плечом в стену ящиков, она сползла на пол. – Всё... в порядке... – прерывисто сообщила она подбежавшему возлюбленному, что, преклонив колено, стал бегло осматривать девушку на наличие повреждений. – Я не ранена... Просто закружилась голова...

Нахмурившийся следопыт лично убедился в её невредимости, после чего с негодованием воскликнул: – Чем ты тут занимаешься?! Убить себя хочешь?! Всё, Лайла, пора завязывать с этими тренировками...

– Нет, – твёрдо сказала вампирша. – Ты не понимаешь... – сев, прислонившись спиной к ящику, она взглянула на воина. – Я несколько не сомневаюсь, что рассказанная ювелиром история правдива. Кто-то намеренно собирает древние фолианты. Мы не знаем, какие цели он преследует, но, боюсь, его мотивы далеки от коллекционирования или сохранения исторической ценности. Возможно, он даже заодно с Леонардо. И что тогда? Что, если мой странный дар – последнее пристанище магии Света в мире сгущающейся Тьмы. Я просто не имею права быть слабой, Джон... Не имею...

– Это моя вина, – следопыт раздосадованно вздохнул. – Я сам говорил, что сила приходит только вместе с изнуряющими тренировками... Но знаешь, иногда нужно как-то жалеть себя.

– Предел моих возможностей намного выше человеческих... Я справлюсь.

– Уверена, что тебе не нужна кровь? – осторожно поинтересовался Джон. – Я могу...

– Нет, – насупившись, прервала его вампирша. – Больше никогда. Я поборола свою жажду и прекрасно себя чувствую, – она пронзила воина упрекающим взглядом. – Кажется, мы это уже обсуждали...

– Ладно, ладно, я понял, – приподняв ладони, извиняющимся тоном произнёс следопыт.

– Замечательно, – улыбнулась Лайла и нежно провела пальцами по его лицу, проскользнув по щеке, полусантиметровым чёрным усам и такой же бороде. – Так почему ты не дождался меня наверху? Соскучился?

– Можно сказать и так... Поговаривают, что скоро покажется берег Виверхэля, – Джон поднялся с колена и протянул руку. – Хотел встретить его вместе с тобой.

Воспользовавшись помощью, Лайла встала.

– Лукавишь... – вампирша хитро прищурилась. – Почему-то мне кажется, что ты спустился в тёмный трюм в надежде застать здесь опасную хищницу, – она обвила прохладные руки вокруг шеи воина. – Но, к своему великому разочарованию, обнаружил лишь хрупкую девушку, ту самую, что видишь каждый день в общих помещениях...

Следопыт хотел что-то сказать, но Лайла заняла его губы неожиданным поцелуем. Полетнему зелёные глаза вампирши поглотило красное свечение, а зрачки приняли жутковатую вертикальную форму. Без малейшего усилия она рывком развернула Джона и прижала к стене из ящиков так, что верхние из них угрожающе зашатались. Соблазнительно проведя клыками по мускулистому плечу, вампирша тихо промурлыкала:

– Так ответь мне: зачем ты спустился вниз?

– Признаюсь, мне этого сильно не хватало, – раззадоренный следопыт крепко обнял возлюбленную, но тут же ослабил хватку. – Жаль, что сюда может кто-нибудь наведаться, – с досадой сказал он, поглаживая ниспадавшие на спину волнистые волосы, ощущая, как шелковистые пряди струятся между грубыми пальцами.

– Не думаю, – прошептала ему на ухо Лайла. – А если и так, то нежеланному гостю придётся вернуться за лампой. – Она взмахнула рукой, и хлипкий огонёк в стеклянной колбе угас.

Трюм окутала крошечная тьма. Глядя в светящиеся глаза напротив, что переливались всеми оттенками красного, Джон представил себя застанным в самый неподходящий момент и не смог сдержать смешка:

– Когда я говорил, что люблю риск, я имел в виду нечто дру... – успел сказать он прежде, чем прохладный, освежающий, словно эльтаронская мята, поцелуй вновь оборвал его речь.

* * *

Выпорхнувшая из морского тумана чайка ознаменовала скорое приближение земли, долгожданного мига, молитвы о котором взмывали высоко над бушующим штормом. Молва о птице быстро облетела корабль, и палуба окончательно заполнилась людьми. Все желали увидеть, как незыблемую прямую горизонта, которую они лицезрели последний месяц, наконец изломит каменный оскал Виверхэля. Едва Джон с Лайлой протиснулись на нос корабля, как под ликующие возгласы толпы из серой дымки стал медленно вырисовываться дальний берег...

Завидев высокие прибрежные скалы с очертаниями раскинувшегося между ними города, беспечно сидевший на фальшборте Рэксволд перестал покачивать свешенной вниз ногой и замер, положив вытянутые руки на возвышавшееся колено. Вот он, родной край, где прожита большая часть жизни, земля, видевшая, как полуразвалившиеся ботинки безымянного бродяги сменились кожаными сапогами известного ассасина. И даже в прохладном встречном ветре, небрежно трепавшем его короткие тёмные волосы, Рэксволд ощущал незримую, близкую сердцу теплоту.

Эрминия, вооружённая двумя скрещёнными за спиной мечами, стояла рядом с ассасином и напряжённо всматривалась вдаль. Она чувствовала, как там, в глубине большого портового города, шныряли наёмные убийцы «Апофеоза», которые не упустят и тени возможности вогнать ей в спину клинок. Однако под удар могли попасть и её друзья или, того хуже, Рэксволд, без которого она слабо представляла своё дальнейшее существование. Нельзя было этого допустить. Задвинув душевные терзания в недра разума и поострее наточив клинки, северянка олицетворяла собой идеал собранности и внимательности, словно вышедшая на охоту волчица. Она молча накинула капюшон, и скрывший лицо полумрак сделал её очередным невзрачным силуэтом, что, сойдя с корабля, бесследно растворяется в шумном городе.

Взволнованный взгляд Лайлы был прикован к неумолимо приближавшемуся Виверхэлю. Сквозь светлую дымку проступали длинные ряды строений с чернеющими на сером камне узкими окнами. За ними высились очертания стройных башен, шпили которых ярко сияли в лучах утреннего солнца. Едва уловимые обрывки запахов, что доносил с города порывистый ветер, казались незнакомыми, и даже облюбовавшие галеон прибрежные чайки кричали как-то иначе. Невыносимо веяло чужбиной. Нарастающее беспокойство всколыхнуло неприятные мысли о предсказанной друидами гибели Джона, и желание отыскать занесённую пылью веков правду вдруг показалось одной большой ошибкой. Лайла невольно оглянулась на стоявшего позади следопыта, но его тёплая улыбка не смогла прогнать ворох обуявших её сомнений.

Джон ожидал увидеть на лице Лайлы привычное любопытство, но, наблюдая лишь застывшую на нём неуверенность, молча заключил её в объятия, ощутив, как напряжение постепенно покидает тонкие плечи девушки, тут же положившей ладонь на его руку. В отличие от вампириши, он был абсолютно спокоен. Плащ с глубоким капюшоном поможет им избежать встречи с ассасинами, а на случай исполнения недоброго пророчества воин обзавёлся крепкой стальной бронёй, которую пробьёт разве что прицельный выстрел из баллисты. В конце концов, уже вечером они покинут город и двинутся дальше, в глухие просторы горного королевства, где единственными возможными врагами будут дикие звери да ползучие гады. Первых легко отпугнёт огненная магия Лайлы, а от змеиного укуса без труда спасёт заранее купленный набор противоядий. Ну а если они и натолкнутся на пару заплутавших разбойников, то три воина и вампириша-колдунья сравняют их с землёй, коли, конечно, те раньше не дадут дёру, в ужасе сверкая пятками до самого горизонта.

* * *

Тяжёлые вёсла неустанно рассекали синие волны, и корабль со спущенными парусами вошёл в порт Савальхата, крупного торгового города, что расположился прямо у подножия Крылатого Хребта, отделявшего горное королевство от горячих песков Аль Херона. Грохот упавшего на пирс трапа ознаменовал финал морского путешествия, и люди стали сходить вниз, навстречу новому дню.

Глава 2

Главной достопримечательностью града являлись пять, устремлявшихся в небеса огромных башен, именуемых Перстами Шельбриха, божественного покровителя торговли и процветания: одна из них высилась в порту, остальные – вздымались из северо-западной стены, отчего Савальхат представлялся лежащим на незримой ладони идола, который держал его подобно золотому яблоку. Пусть толщина каменных «пальцев» и оставляла желать лучшего, вызывая у впервые оказавшихся здесь недоумение да насмешливые улыбки, но завидная толщина купеческих кошельков и правда казалась благосклонностью высших сил: никто не знал больше города с таким количеством успешных дельцов.

– Добро пожаловать в Савальхат! – бросил спускающийся по трапу Рэксволд следовавшим за ним спутникам. – В город спекулянтов и хитрозадых пройдох, – шурясь от яркого солнца, он поднял ладонь, скрыв глаза в спасительной тени. – А если кто вдруг резко уверовал в Шельбриха, тот может купить себе пару приманивающих богатства побрякушек. Их навалом в любой из башен.

– Мы вроде и так не бедны, – усмехнулся Джон, который, сверкая стальным нагрудником, вёл под уздцы серого жеребца. К седлу коня с одной стороны были приторочены щит и меч, а с другой – лук с полным колчаном стрел.

– Такие огромные святилища? – Лайла, наслышанная о «городе Золотого Бога» из рассказов моряков, подняла взор от основания ближайшей башни до пронзавшего небеса острого шпиля.

Рэксволд заулыбался:

– Если так можно назвать вычурные лавки для выманивания денег у доверчивых идиотов, то – да. Раньше в центре города стоял Храм Шести Богов, но потом он случайно сгорел, – голос ассасина наполнился сарказмом. – Видимо, великий и могущественный Шельбрих решил, что нечего щедрым иноземцам сыпать золото на чужие алтари и соизволил дать им шанс приумножить свои богатства. Из самых добрых побуждений, конечно же, а то, что из города толпами гонят нищих, – это так, совпадение. Когда руины храма разобрали, единственную уцелевшую статую Хроногора перенесли в форт, подальше от посторонних глаз... Точнее, под надёжную защиту, чтобы с ней больше ничего не произошло, – убийца проскользил по спутникам ироническим взглядом.

– Откуда ты всё это знаешь? – с удивлением спросила Лайла. – Подожди... Ты жил здесь, верно? – моментально догадалась она.

– Ага. Очень давно. Прекрасное место, чтобы научиться понимать людей, – Рэксволд посмотрел куда-то вдаль, поверх разбредающей по причалу толпы. – Ну или лишиться всего и попасть в рабство к местному ростовщику, – он остановился и лукаво улыбнулся. – Я выбрал первое...

– Хорош трепаться, Рэкси. Жрать охота, – недовольно изрекла Эрминия, придерживая капюшон от подувшего со стороны города ветра. В воздухе ненавязчиво витали вкусные запахи местных яств. После корабельного однообразия этого было более чем достаточно, чтобы все повернули головы к четырёхэтажному трапезиевидному строению с дымящейся трубой. Вампириша, ощущавшая пряные ароматы острее других, незаметно сглотнула слюну.

– Надо же, мой любимый постоянный двор ещё существует! – воодушевлённо воскликнул ассасин. – Джон, Лайла, не знаю, кто из вас что пробовал ранее, но настало время отведать

настоящей виверхэльской кухни, – он направил на них указательные пальцы и хитро подмигнул. – Пойдёмте, я угощаю!

По-свойски перекинув руку через шею Эрминии и увлекая северянку за собой, Рэксволд направился вперёд. Глядя на их спины, Джон невольно задумался, в скольких местах у него была бы сломана конечность, если бы он, шутки ради, повторил с воительницей подобный жест. Дружба с ней напоминала контакт с прирученным диким зверем: нащупать размытые рамки отношений позволял лишь рискованный шаг, в то время как даже нечаянный выход за грань дозволенного не сулил ничего хорошего. Признаться честно, идущая рядом вампирша, которая однажды уже впадала в кровавое безумие, казалась следопыту более предсказуемой и безопасной.

Не сбавляя шага, предавшийся ностальгии Рэксволд то и дело разворачивал фигуру в капюшоне в какую-нибудь сторону, рассказывая, как за последнее десятилетие поменялся город. Лайле не нужно было видеть лицо Эрминии, чтобы представить, как хмурая северянка периодически закатывает глаза. На очередную историческую сводку воительница ответила ассасину прицельным подзатыльником, отчего тот только рассмеялся и, шлёпнув её по заднице, получил ещё и локтем под дых. Слыша переходящий в кашель смех убийцы, вампирша не смогла сдержать улыбки. Заразительно весёлый настрой Рэксволда разогнал пасмурные мысли. И пусть, вместе с разбредающими по пирсу путешественниками, незнакомый язык всё больше вытеснял ласкающую слух эльтаронскую речь, чужая страна отныне не казалась пугающе неприветливой, скорее – необычной.

* * *

Лайла сидела за квадратным деревянным столом, на гладкой поверхности которого чернела пирография в виде летящей над волной чайки. Как она уже успела заметить, подобные выжженные пламенем изображения украшали и другие столы. Предусмотрительно заняв место у окна, вампирша задумчиво смотрела на набережную, на странную, будто плетённую из полосок кожи, одежду прохожих, на галеон, такой огромный, что по сравнению с ним две пришвартованные в порту шхуны выглядели детскими игрушками.

– Освоилась хоть немного? – с заботой в голосе поинтересовался Джон, усаживаясь на соседний табурет.

Лайла повернулась к нему лицом и сдержанно улыбнулась:

– Всё не такое страшное, каким казалось издавека, но я даже не могу прочитать название заведения, где собираюсь отобедать. Немного непривычно.

– Понимаю, – следопыт отвёл серые, как грозовое небо, глаза в сторону и сконфуженно усмехнулся. – Я тоже не смог перевести, хоть и частично знаю виверхэльский, – сознался он и постучал пальцем по зависшей над волной птице: – Но бьюсь об заклад, в нём есть слово «чайка». Они изображены на всех столах. Как по мне, практичней было бы нацарапать карту города.

– Морская чайка, – пододвигая трёхногий табурет и устраиваясь напротив, бросил Рэксволд. – Могли бы и докумекать...

Следом за ним, придерживая двумя пальцами капюшон, за стол уселась и Эрминия:

– Поскорее бы убраться из города. Мне уже осточертел этот плащ.

– Догадываюсь, – понимающе закивал Джон, засучивая рукава рубахи. – Перекусим, закупимся и можно в путь. Кстати, насчёт первого... – он перевёл взгляд на ассасина. – Расскажи, чем нас отравить собрался? Почему мне кажется, что вместо того, чтобы изъясняться с конюхом, стоило посмотреть, что ты там заказываешь?

– Ты бы всё равно ни черта не понял, – разведя руками, самодовольно произнёс Рэксволд. – Потому жри что дадут.

– Организованный тобой ранее банкет был восхитителен, – спокойно констатировала Лайла. – Я доверяю твоему вкусу и не вижу причин для беспокойства.

– Рад, что ты так думаешь... – загадочно улыбнулся ассасин, и на лице вампириши появились едва заметные нотки сомнения.

Следопыт покачал головой, а затем с наигранной задумчивостью поднял указательный палец:

– Вот скажи мне, Рэксволд, как тебе удастся быть такой скотиной и другом одновременно?

Впившись в него суровым взглядом, наёмный убийца поставил локти на стол, после чего неторопливо наклонился вперёд: – Я бы сказал, что это стоит мне огромных усилий... – он выдержал паузу и серьёзно добавил: – Но я даже не стараюсь.

Заложив руки за голову, ассасин с усмешкой откинулся назад, но чуть было не упал, видимо, забыв, что под ним вовсе не стул. Табурет опасно накренился, собираясь вот-вот опрокинуться, и лишь отменная реакция позволила Рэксволду вернуться в исходное положение ловким рывком.

– Эх! – разочарованно хлопнул по столу Джон. – Ещё бы чуть-чуть... Да, Лайла? – он посмотрел на вампиришу, мимолётная досада которой сменилась милой улыбкой.

– Размечтались, – с завидным спокойствием изрёк ассасин.

Глядя на них, Эрминия лишь утомлённо вздохнула:

– Как дети малые...

– Это маскировка, – с видом великого хитреца проговорил Рэксволд.

– Ага... – подперев голову кулаком, флегматично ответила северянка.

Спустя несколько минут понурая женщина в сарафане цвета морской волны принесла заказанную еду. Отвлёкшись от окна и взглянув на стол, Лайла оторопела: прямо с круглого глиняного блюда на неё смотрела отрубленная голова змеи, возложенная на свёрнутое спиралью тело. Место глаз занимали две янтарно-золотистые ягодки, а посыпанная мелкими зёрнышками тёмно-рыжая чешуя отливала медью. Но даже эта сомнительная красота не вызывала в ней желания отведать диковинной виверхэльской кухни. Вампириша подняла растерянный взор на ассасина и, насупившись, решительно промолвила:

– Я не стану это есть.

– Я почему-то так и подумал, – с несвойственным для себя безразличием сказал Рэксволд. – Не всем по нраву копчёные змеи с кунжутом, потому я ещё взял немного пирожков, – он указал рукой на соседнюю тарелку, которую до сего момента находившаяся под впечатлением Лайла просто не заметила. – Ничего необычного, внутри только сыр и шпинат, – заверил её ассасин, накалывая на вилку цилиндрический кусочек удобно нарезанной змеи.

– Зря отказываешься, – последовал его примеру следопыт. – Пахнет вкусно.

– Пожалуй, я воздержусь, – невинно улыбнулась вампириша, наконец придя в себя. – Джон, будь так любезен, пододвинь поближе тарелку с выпечкой.

– Как знаешь... – намереваясь потянуться к пирожкам, пожал плечами следопыт.

– Не утруждайся, – символизирующая заботу фраза Эрминии больше походила на приказ. Северянка резким движением толкнула тарелку так, что она, проскользив по столу, остановилась прямо перед принцессой. – На здоровье.

– Благодарю, – Лайла взяла румяный пирожок и, подозрительно понюхав, осторожно откусила: хорошо зная Рэксволда, она ожидала новых сюрпризов, но внутри действительно оказалась сырно-шпинатная начинка.

Чем дольше жевался пирожок, тем больше расходился над столом приятный аромат копчёного змеиного мяса с дымными нотками паприки и кунжута. Вампириша украдкой взглянула на блюдо и стыдливо отвела глаза к тарелке с выпечкой, поймав себя на мысли, что один кусочек вполне можно было и попробовать. Хотя бы из уважения к Рэксволду, который любезно

решил угостить их дарами родного края. Вдруг её скоропалительное решение обидело его? Но нет... Кого Лайла пыталась обмануть? За свои многочисленные издёвки ассасин уже давно не заслуживал снисхождения. Наверное, пара резких встрясок даже пошла бы ему на пользу, а она просто желала отведать оригинальное яство, чей манящий аромат заполнил всё пространство. Однако отказываться от своих слов совсем не хотелось: короткий миг возможного удовольствия не мог перекрыть горечь от публичного признания собственной неправоты. Без особого энтузиазма Лайла доела пирожок, с тоской покосившись на уже наполовину опустевшее блюдо.

Неожиданно в дверь вошли музыканты, на которых обсуждающие дальнейшее путешествие воины не обратили внимания, разве что Эрминия проводила их взглядом исподлобья, коим она удостаивала всех проходивших мимо. Наблюдая, как скрипач и лютнист поднимаются на импровизированную сцену из дюжины составленных вместе ящиков, вампирша на секунду задумалась, после чего стала отстранённо смотреть в окно. Наполнявшее помещение монотонное бормотание нарушил красивый аккорд, а вслед за ним под восторженные возгласы посетителей в зале заиграла звонкая, задорная музыка. Стоило Джону, Эрминии и Рэксволду на пару секунд отвернуться к сцене, как с глиняного блюда пропал самый крайний кусочек. Когда все снова повернулись к столу, ассасин хитро ухмыльнулся и впился взглядом в вампиршу:

– Вот ты и попалась.

– О чём это ты? – Лайла, предусмотрительно державшая в руке заранее надломленный пирожок, изобразила непонимание.

Рэксволд мотнул головой в сторону сидевшего за стойкой радостного мужичка, что вдруг послал ей воздушный поцелуй.

– Это ещё кто? – нахмурился Джон, заметно углубив строгую двойную морщинку между бровями.

– Всего лишь матрос. Я пообещал ему выпивку, если Лайла всё-таки попробует копчёную змею. Он пристально следил за ней и только что подал мне знак, – Рэксволд повернулся и, окликнув хозяина заведения, одобрительно махнул.

Следопыт удивлённо взглянул на Лайлу, идеальный план которой рушился на глазах, отражаясь на лице смесью досады и смущения. Но отпираться не было смысла, если только она не хотела оказаться в ещё более неловкой ситуации.

– Да, я попробовала кусочек. Это преступление?

– Нет, – опередил Джона с ответом Рэксволд, – Для этого всё и задумано.

– Задумано? – вампирша отложила пирожок и подозрительно прищурилась. – Появление музыкантов тоже не случайно?

– Конечно, – ассасин самодовольно улыбнулся. – Я просчитал каждый твой шаг...

– Тогда это низко, – холодно сказала Лайла.

– Может быть, – пожал плечами Рэксволд. – Но какая таверна без споров, интриг и азартных игр? Без них здесь слишком скучно, – он с упрёком посмотрел на остановившуюся рядом женщину, которая ставила на стол деревянные кружки. – Наконец-то, а то я уж думал составюсь раньше... Эрми, тебе как обычно.

– Станные у тебя представления о веселье, – борясь с обидой в голосе, вымолвила Лайла.

– А что такого? – в вопросе Рэксволда промелькнули нотки раздражения. – Завидуешь моей проницательности?

– Проницательность не требует афиширования. Я бы назвала это отсутствием чувства такта с попыткой самоутверждения на чужих слабостях, – с вызовом отпаривала Лайла.

– Так, – успокаивающе выставил ладонь Джон. – Давайте обойдёмся без ссор, – он попытался обнять вампиршу, но та, не отводя укоризненного взора от ассасина, уклонилась от блеснувшей стальным наручем руки.

– Многообещающее начало... – Эрминия подтащила кружку, содержимое которой было немного темнее остальных. Сделав несколько жадных глотков, она утёрла рот рукавом и

довольно изрекла: – Хороший квас, за такой и подохнуть не жалко... Так что там? Может, уже начнёте драться?

– Ладно тебе, – устав играть с Лайлой в гляделки, отмахнулся Рэксволд. – Умей проигрывать... Хлебни лучше отменного виверхэльского эля. Настоящего, а не той бурды, что здесь обычно плескают чужестранцам...

– Что ж, пожалуй, ты прав: какая таверна без хорошего спора... – вдруг загадочно проговорила вампирша, обеда посетителей постоянного двора оценивающим взглядом. – Эрми, сможешь кое-что перевести присутствующим?

– Лайла... – начал было насторожившийся следопыт.

– Нет, Джон, – решительно прервала его вампирша. – Позволь и мне приобщиться к славным традициям.

Рэксволд внимательно посмотрел на воительницу. Лайла что-то задумала, и ему это совсем не нравилось. Ответ Эрминии не заставил себя долго ждать. Скрыв едва заметную усмешку за кружкой и залпом допив остатки кваса, она рассудительно произнесла:

– А почему нет? Веселиться – так всем. Да, Рэкси?

Северянка глубже надвинула капюшон, поднялась с табурета и громко хлопнула в ладоши. Хватило пары жестов, чтобы заметивший её хозяин заведения дал отмашку музыкантам – дуэт лютни и скрипки резко смолк. В таверне воцарилась тишина.

– Дерзай, – посмотрела на Лайлу Эрминия.

Поставивший локти на стол Рэксволд скрестил пальцы на уровне подбородка. Хоть лицо ассасина и выражало лишь вялую заинтересованность, вампирша слышала, как участилось его сердцебиение. Он нервничал.

Лайла встала, обвела взором посетителей, коих было не меньше двух десятков, и потрясла над головой снятым с пояса мешочком золотых:

– Жители и гости Савальхата, прошу минуту вашего внимания! Я хочу помериться силой с этим воином, – она указала ладонью на немного напрягшегося Рэксволда, – и куплю каждому из вас пинту лучшего эля, если он одолеет меня в рукоборье. Ну как, вы готовы проследить за честностью нашего состязания?

– М-м-да... – многозначительно протянул Джон и пригубил кружку.

Фигура в капюшоне повторила слова Лайлы на виверхэльском, поэтому прозвучавшая сразу на двух языках речь была понятна большинству. Об этом же свидетельствовала волна прокатившихся по таверне смешков.

– Не жалко денег, так хоть ручки не ломай! – крикнул по-эльтаронски сидевший за дальним столом рыжеусый моряк. – Мы вполне можем выпить и за твою щедрость! – он захохотал и хлопнул по плечам находившихся рядом друзей.

Отметив знакомые лица, что сошли на берег вместе с ними, вампирша улыбнулась и покачала пальцем:

– Нет, господа, так не пойдёт... – она скосила на Рэксволда насмешливый взгляд. – Я уверена в своей победе.

В последнем нахмурившийся ассасин не сомневался. Нечеловеческая сила, скрывавшаяся под личиной хрупкой девушки, не оставляла ему никаких шансов. Он понимал и то, что главный удар Лайла решила нанести по его самолюбию. Отказ от состязания, впрочем, как и проигрыш, означал заслуженный вал негодования: люди не поймут, почему воину с дерзким взглядом сложно поставить на место зарвавшуюся девку и угостить их обещанным элем.

Зазывающий выкрик пьяного бугая вывел Рэксволда из размышлений, и он обнаружил направляющихся к столу зевак, что за несколько секунд образовали плотный полукруг. В просветах над плечами возникали всё новые головы. Какой-то кучерявый коротышка, видимо, не выдержавший конкуренции в толкучке, аж выбежал на улицу и встал у нужного окна таверны, позволявшего наблюдать за происходящим без риска пропустить самое интересное. Раззодо-

ренная толпа жаждала зрелищ: как ассасин играючи смахнёт вызывающую самоуверенность с лица соперницы, как под всеобщий хохот заставит её пытеть в тщетных попытках одолеть крепкую мужскую руку и, в конце концов, оставит с кислой миной и опустевшим кошельком.

Словно вспомнив своё королевское происхождение, Лайла величественно опустила на табурет и, уперев локоть в стол, протянула готовую к поединку ладонь.

– Сама напросилась, – недобро проговорил Рэксволд, стягивая чёрную перчатку.

Он собрался всем телом, рассчитывая, что неожиданный, молниеносный рывок в первое же мгновение оставит зазевавшуюся Лайлу с носом. Но едва они скрестили ладони в преддверии схватки, ассасин понял: идея обречена на провал. Прохладная рука вампириши была напряжена и неподвижна, будто высечена из камня. Закрой он глаза, без труда бы представил себя, дерзнувшим помериться силой с мраморной статуей.

Джон задумчиво смотрел на соперников, изредка крутя двумя пальцами стоявшую перед ним кружку. Ему не нравилась внезапная принципиальность Лайлы, решившей преподать Рэксволду жизненный урок. Ещё больше настораживало ледяное спокойствие ассасина, скрывавшее за маской непоколебимости бушующее внутри пламя. Уж кто-кто, а он точно не простит публичного унижения в неравном бою. Состязание грозило перерасти в серьёзный конфликт, способный оставить глубокую трещину на камне их дружбы, если и вовсе не расколоть его пополам, на две пары, каждая из которых пойдёт своей дорогой. Тем не менее следопыт понимал, что попытки повлиять на ситуацию, став гвоздём между молотом и наковальней, лишь сильнее накалят обстановку.

Озвучиваемый Эрминией обратный отсчёт приближал неминуемый позор Рэксволда. Покосившись на обступившую их толпу, ассасин с презрительным прищуром взглянул на Лайлу. Он ещё не придумал, как отомстит, но даже не сомневался в своих способностях: она запомнит этот день надолго...

– Начали! – воительница рассекла ладонью воздух.

Рэксволд стиснул зубы и предпринял отчаянную попытку сопротивления, которая, к его великому удивлению, без труда уложила руку вампириши на стол. От взрыва дружного хохота заложило уши. Пребывая в замешательстве, ассасин пристально всматривался в спокойное лицо Лайлы, пытался понять её мимолётный проникновенный взгляд, что успел уловить прежде, чем она отвела глаза.

– По-видимому, сегодня не мой день... – вампириша печально вздохнула и, развязав мешочек, высыпала на стол пригоршню золотых.

– Не расстраивайся, в другой раз обязательно повезёт, – шевеля рыжими усами, с насмешкой проговорил эльтаронский моряк.

– Всем лучшего эля за мой счёт! – встав, громко сказала Лайла. – Пойду на веранду, подышу свежим воздухом, – добавила она и, протискиваясь через разбредавшую толпу, направилась к двери.

Наблюдая задумчивую растерянность ассасина, усевшаяся на табурет Эрминия невозмутимо заметила:

– Кажется, тебя уделали, Рэкси... – фраза была произнесена на языке горного королевства.

– Без тебя разберусь, – по-виверхэльски огрызнулся Рэксволд, неохотно вылез из-за стола и пошёл в сторону выхода.

– Что вообще происходит? – пробормотал ни слова не понявший Джон.

Он тоже засобирался, но Эрминия придержала его за плечо:

– Посиди. Пусть поговорят.

– Уверена? – обеспокоенно спросил следопыт. – По-моему, сейчас тот самый момент, когда не стоит оставлять их одних.

– Сейчас тот самый момент, когда тебе лучше не лезть, Джон, – ледяным голосом изрекла северянка и, запрокинув голову, сцедила с кружки последние капли кваса.

* * *

Рэксволд вышел на залитую солнцем веранду. Лайла стояла к нему спиной, облокотившись на резные деревянные перила, и смотрела в сторону моря, над которым, купаясь в золотых лучах, кружили ослепительно белые чайки. Неугомонно крича, они беспорядочно порхали над пирсом, парили над высокими мачтами галеона. Временами птицы грациозно падали в объятия синих волн и взмывали ввысь уже с зажатыми в клювах рыбёшками. Немного помявшись, ассасин подошёл и небрежно подпёр плечом ближнюю из восьми бревенчатых колонн веранды:

– Ты же знаешь: меня иногда... заносит. Особенно, что касается прозорливости... Прямо не могу остановиться... Но я понял тебя... Находиться не в своей тарелке не очень-то приятно... На своей шкуре прочувствовал... – он опустил голову, нервно потарабанив пальцами по чёрным кожаным ножнам. – В общем, да... Кажется, я перегнул палку со змеями...

Рэксволд поднял взор на профиль Лайлы, ожидая увидеть торжествующую улыбку, но на лице девушки не было и тени радости.

– Тебе не за что извиняться, – поникшим тоном промолвила вампирша. – Я и сама не знаю меры. Не стоило из-за глупых амбиций привлекать внимание к Эрминии. Её могли узнать по голосу...

– Ну... За это можешь не переживать, – уверенно ответил ассасин. – Она не из разговорчивых. По крайней мере, с теми, кого не уважает. Надо ли пояснять её отношение к «Апофеозу»?

– Тем не менее я поступила опрометчиво и эгоистично, – продолжала корить себя Лайла.

– Как и я, затеяв всё это представление со жратвой. И? Пойдём теперь повесимся на пару? Припоминаю крепкую сосну за городом. Вот Эрми с Джоном-то удивятся, – заметив проступившую на губах девушки улыбку, Рэксволд усмехнулся. – Вот и я про то же... – повернувшись к морю, он облокотился на перила рядом с вампиршей.

– Знаешь... – произнесла Лайла, не отводя задумчивого взгляда от пирса. Она размышляла, стоит ли продолжать фразу, но решила не идти на поводу у своих внутренних протестов. – Копчёные змеи пришлись мне по душе, – наконец созналась она.

– Здорово, – после небольшой паузы лаконично ответил ассасин.

– И всё? – удивилась вампирша. – А как же победно воскликнуть: «Я и не сомневался!» – по-доброму улыбнувшись, она взглянула на собеседника.

– Ну... Приблизительно это сначала и крутилось на языке, – честно ответил Рэксволд, подняв невинный взор к небу.

– И замечательно, – Лайла облегчённо вздохнула. – А то бы я решила, что ты заболел.

Одновременно взглянув друг на друга, они не выдержали и рассмеялись.

* * *

Услышав отголоски знакомого смеха, Эрминия посмотрела на дальнее, выходящее на веранду окно: за пыльным стеклом темнели два силуэта. Обратил на них внимание и Джон.

– Что ж... Всё хорошо, что хорошо кончается, – следопыт одним махом осушил кружку.

– А не боишься, что уведёт твою ненаглядную? – северянка взяла кусочек копчёной змеи, закинула его в рот и, небрежно стряхнув с пальцев кунжут, перевела взор на воина.

– Хех. Так говоришь, будто тебя это вовсе не касается. Первая же начнёшь локти кусать, – отпаривал Джон, снова принявшись крутить пальцами кружку.

– С чего вдруг? – с едва заметным недоумением спросила Эрминия. – Мне она нравится. Мы вполне могли бы ужиться и втроём.

Вглядываясь в её серьёзное лицо, которое на две трети скрывала тень капюшона, следопыт хитро улыбнулся и пожал плечами:

– Действительно... Почему нет?

Он ожидал услышать привычное «расслабься, я шучу», но воительница, не проронив ни слова, вновь посмотрела на застывшие за окном силуэты. И всё же Джон понадеялся, что это был тот самый специфичный юмор, изредка проклёвывавшийся сквозь холодную пасмурность воительницы.

* * *

Часом позже, заглянув на рынок и закупившись всем необходимым, странники разделились. Рэксволд с Эрминией отправились в сторону конюшни, взяв на себя задачу выбрать доброезжих лошадей, которые не понесли бы всадников при виде змеи или шуме обвала. Узкие горные тропы не прощали ошибок, и нелепая случайность могла легко закончиться трагедией, именно поэтому выносливые и спокойные лошади здесь стоили дорого. Неприлично дорого. Подобно бешеной крысе кусался ценник на умный не по годам молодняк, который, помимо прочего, мог без труда оторваться от стаи волков, коими были печально известны лесистые перевалы. Чуть меньше просили за старых невозмутимых меринов, уповая на проверенную временем надёжность и бесценный опыт. Все неисправимо пугливые и агрессивные животные заканчивали свой путь в лавке мясника. Последнее почти не приносило дохода, отчего хозяева конных дворов порою занимались втюхиванием непригодных для езды лошадей неразборчивым покупателям. И чтобы пара молчаливых чужестранцев не искушала местного барышника, Джон с Лайлой остались ждать у массивных ворот города в компании Бамбука, четырёх набитых котомок и небольшого медного таза.

Высокий мощный жеребец, обладатель равномерно серой масти, чрезвычайно редкой для этих краёв, выделялся среди множества низкорослых гнедых лошадей. Проходившие мимо горожане не могли скрыть удивления: они кивком указывали друг другу на коня, что-то восхищённо говоря по-виверхэльски. Один из стоявших у ворот стражников даже подошёл к Джону и, заложив большие пальцы за проклёпанный ремень, заинтересованно спросил:

– Monz mlondren?

– Эльтарон, – с простодушной улыбкой ответил следопыт, догадавшись о сути вопроса по восторженному взгляду собеседника.

– А-а-а, – понимающе протянул стражник, показал одобрительный жест, а потом со страшным, царапающим слух акцентом произнёс: – Красивый жеребца, – положив ладонь на рукоять висевшей на поясе булавы, он вернулся на пост.

– Ещё немного, и мне предложат за тебя цену, – усмехнулся Джон, похлопав Бамбука по шее. Конь, широко раздувая ноздри, потянулся к следопыту, и тот прикрыл глаза, чувствуя, как горячее дыхание щекочет его лицо. – Не переживай, я не собираюсь тебя продавать. Ты напоминаешь мне Шелеста.

– Шелеста? – поёжившись от неприятного ветра, Лайла достала из котомки зелёную накидку. – Кто это? – она покрыла плечи тонковыделанной шерстью и щёлкнула изящной фибулой в форме пронзённого стрелой полумесяца.

– Моя первая лошадь, – Джон поднял взор к выглянувшему из-за тучи осеннему солнцу, которое хоть и сияло по-летнему, но уже почти не грело. – Могучий был жеребец...

– Что с ним случилось? – уловив в его голосе грусть, вампириша посмотрела на воина, тут же прищурившись от ярко заблестевших доспехов.

– Пал в сражении под Каменными Полями, – с неохотой изрёк следопыт. – Мне вообще как-то не везёт с лошадьми. Вечно с ними что-нибудь случается... – он опустил взгляд на коня, после чего вдруг улыбнулся и потрепал его за серую гриву. – Но ничего. Тебя, Бамбук, буду беречь как зеницу ока.

– Ты в надёжных руках, – приблизившись, Лайла пощекотала нос жеребца. – Твой ревнивый хозяин избавился даже от меня, решив пересадить на другую лошадь, – едва Джон открыл рот, чтобы возразить, вампириша продолжила: – Да всё я понимаю: тяжёлые подъёмы, опасные спуски, пропасти... А ещё волчьи стаи, от которых Бамбук с двумя всадниками вряд ли оторвётся...

– Умница, – удовлетворённо кивнул воин.

– Я знаю, – девушка кольнула следопыта ехидным взглядом. – Именно поэтому на земле ты будешь полностью в моей власти.

– А разве когда-то было иначе? – приподнял бровь Джон и, усмехнувшись, обнял Лайлу.

– Умница, – шепнула ему на ухо вампириша.

* * *

Через долгие полчаса вдалеке показались знакомые силуэты, ведущие за собой трёх крепко сбитых лошадей. Следопыт даже не сомневался, что Рэксволд, как истинный ценитель цвета ночи, возьмёт себе вороную. Гнедую кобылу Эрминии выдавал висевший на луке седла круглый щит.

– Сдаётся мне, чубарая – твоя, – Джон указал на самую правую.

– Какая необычная, – Лайла удивлённо глядела на дымчатую лошадь с разлившимся по бокам и крупу белым пятном и щедро усыпанную чёрными точками, словно её художественно окропили чернилами. Когда она заметила, что тёмную сторону морды украшает голубой глаз, то и вовсе пришла в неописуемый восторг.

Джон окинул взором приближающуюся парочку: облик закутанной в плащ Эрминии не изменился, а вот Рэксволд, судя по новым набедренным ножнам, обзавёлся дополнительной парой кинжалов.

– Держи, – подошедший ассасин всучил вампирише поводья, и она, будто не веря в реальность кобылы, осторожно коснулась её ладонью. – Зовут Felniera. Ну или Звезда, если по-эльтаронски, – добавил он, наслаждаясь произведённым эффектом.

– Фелниера, – восхищённо повторила Лайла, поглаживая нос лошади. – Она прекрасна... Спасибо, Рэксволд.

– Виверхэльская орга, – с гордостью назвал породу наёмный убийца. – С запада королевства. Там таких много. Потому ты подумай: может стоит остаться? Построите домик в каком-нибудь живописном месте, будете разводить лошадей и любоваться диковинными табунами. Как тебе идеяка, Джон? – он перевёл взгляд на черноволосого воина. – Лесов здесь тоже достаточно, если вдруг по зелени соскучишься.

Следопыт вздохнул и с чувством произнёс:

– Хвойные леса излишне молчаливы, а сердце просит шелеста листвы...

– Красиво. Откуда это? – полюбопытствовала Лайла.

– Из старой песни, – немного помявшись, ответил Джон. – Сочинил когда-то.

– Ты?! – после небольшой паузы изрёк опешивший ассасин.

– Ну, в юности я не расставался с лютней. А что? – заулыбался следопыт, облокотившись на седло. – Думал, я всю жизнь только мечом махал да по глуши слонялся?

Рэксволд задумчиво хмыкнул.

– От струн к тетиве? – в голосе Эрминии прозвучало непонимание.

– Война не спрашивает, кем ты хочешь стать. Но я ни о чём не жалею, – не стал кривить душой Джон.

– А как поживают пальцы менестреля? Не заостенели? – вдруг спросил Рэксволд и перевёл взор на Лайлу.

– Позволь поинтересоваться, почему ты смотришь на меня? – невозмутимо промолвила вампириша.

– Ну-у-у... – начал было ассасин, наблюдая, как розовеют её щёки.

– Всё нормально с моими пальцами, – перебил его нахмурившийся следопыт.

– Уже и сам вижу, – Рэксволд усмехнулся, поднял свою котомку и запрыгнул на вороного жеребца. – Тогда вернёмся к рынку: лютню купим, – поправив накиннутую на плечо лямку, он выслал коня вперёд.

Северянка бросила многозначительный взгляд на Джона, подмигнула насупившейся вампирше и, оседлав кобылу, последовала за убийцей.

– Как один человек может вызывать у меня настолько противоречивые чувства? – с возмущением прошептала Лайла, не отводя глаз от спины ассасина. Борясь с желанием подпалить его затылок вспышкой магического огня, она скрестила руки на груди.

– Да уж... Путешествие обещает быть весёлым, – безрадостно проговорил следопыт, потуже затягивая подпругу. – Последний раз я играл лет пятнадцать назад. И кто меня за язык тянул...

– Не сожалею о том, чего ещё не сделал, – вампирша принялась приторачивать к седлу поклажу. – Уверена, мне понравится то, что я услышу, – застегнув кожаный ремень, она поставила ногу в стремя и уже через секунду сидела верхом.

– Эх, мне бы твою уверенность... – устало вздохнул Джон, взбираясь на коня.

* * *

Общество – многогранная душа любого города, череда человеческих судеб, что формирует его облик, наполняет улицы жизнью, а страницы летописцев – историей, открывая потомкам всё новые лица и вычёркивая ненужные старые. Лица... По-настоящему счастливые и искажённые гримасой злобы, искренне приветливые и покрытые строгими морщинами, по-детски наивные и олицетворяющие саму мудрость. За пять столетий существования Савальхат повидал их немало, год от года созерцая, как меняются люди: неосторожно роняют привычные маски и, страшась явить миру истинные черты, спешно поднимают их, замазывая трещины воском фальши, или же примеряют новые, красиво играющие гляncем в свете незнакомых глаз. Так поступали все. Все, кроме одной девушки с пепельными волосами, на лице которой застыла неизблемая печать скорби. Она медленно прогуливалась по рынку с корзиной овощей, когда вдруг, словно обожжённая, встрепенулась и, выронив её, схватилась за висевший на груди полупрозрачный камень. Заключив его в кулак и встав как вкопанная посреди оживлённого потока людей, горожанка осторожно озиралась, не замечая ни задевавших её прохожих, ни то, как больно впирается в шею натянувшийся шнурок амулета. Печальный взор девушки безостановочно скользил по толпе, пока наконец не остановился на выехавших из-за угла всадниках.

* * *

Спустя четверть часа, к разочарованию Джона, ассасин всё-таки нашёл у кого купить лютню, и странники, вернувшись к западным воротам, покинули Савальхат. Всю дорогу, пока они отъезжали от города, Эрминию не покидало чувство, будто некто незримый прожигает её взглядом. Однако вместо тревоги на укрытом тенью капюшона лице проступила едва заметная улыбка: значит, их с Рэксволдом план удался.

Глава 3

Расшатанное, скрипящее, как старческий голос, колесо налетело на камень, отчего несущуюся по пыльной дороге телегу изрядно встряхнуло.

– Проклятье, – выругался державший вожжи мужчина, но вместо того, чтобы замедлить роняющего пену поджарого жеребца, лишь подогнал его.

В повозке среди поклажи сидела женщина, которая заботливо прижимала к себе спящую девчушку пяти лет отроду. Посмотрев на дочь, чудом не пробудившуюся от столь сильной встряски, мать подняла голову и устремила взгляд к горизонту – на лицо, изборождённое четвертом давних шрамов, напоминавших след от рысых когтей, упал багровый свет.

– Не успеем, – тихо произнесла она. – До Савальхата слишком далеко. Нужно где-то укрыться, Рей.

Рейнорт отвлёкся от вилившей по каньону дороги и покосился на догорающий закат: красное солнце скрывалось за чёрными клыками скал, всё больше отдавая долину во власть сумерек. Мервена была права: если сейчас же не найти укрытия, то утренняя заря застанет лишь три изуродованных, остывших тела. Существо, что преследовало их, отличалось от остальных, раз сумело пробраться в тайную пещеру Ордена и уничтожить всех во время ежегодного собрания. Возможно, теперь они последние «вестники рассвета» в Виверхэле, которым из-за сломанной телеги посчастливилось опоздать на собственную казнь.

Пребывая в хмурой задумчивости, мужчина осмотрелся. По левую руку высился мрачный сосновый бор, где вряд ли их ждало что-то хорошее. Справа, извиваясь между огромными валунами, протекала тёмная речушка. Внезапно взор Рейнорта зацепился за крылья стоявшей на холме мельницы. Они спасительно мелькали в лучах уходящего солнца, всё ещё падавших на крышу строения. Вскинув вожжи, мужчина снова подогнал коня и, заметив, что дорога впереди устлана камнями, оглянулся:

– Держитесь.

Повозка задрезжала по булыжникам – девочка проснулась и беспокойно посмотрела на мать.

– Всё хорошо, – слабо улыбнувшись, Мервена погладила дочь по распущенным русым волосам.

– Мы уже в Савальхате? – заспанным голосом пролепетала девчушка, приняв стучащие под колёсами камни за городскую мостовую.

– Не совсем... – женщина пристально следила, как гонимая сумраком алая полоса покидает хребет крыши. – Сегодня придётся переночевать на мельнице.

Вытянувшись, Нактарра возвысила голову над бортами телеги: любопытный взор облетел гряду чёрных скал, полоснул сумеречное небо и в конце концов вернулся в повозку, застыв на руке матери, крепко сжимавшей лежащий рядом арбалет.

Прежде чем с губ дочери сорвался неудобный вопрос, Мервена спокойно спросила:

– Помнишь, что я говорила тебе о Тьме?

– Она является, когда её не ждёшь.

– Но... – назидательный тон подразумевал продолжение.

– За самой тёмной ночью всё равно приходит рассвет, – уверенно закончила цитату Нактарра.

– И только так, – одобрителный кивок Мервены отразился на губах девчушки тёплой улыбкой. – Никогда не забывай об этом.

Рейнорт опустил взор к ногам: на коричневых сапогах до сих пор багровела кровь погибших друзей, чьи растерзанные тела пришлось бросить в злосчастной пещере. Нактарра была слишком мала, чтобы осознать масштаб случившейся трагедии. Большую часть времени проводя у ныне покойной тёти, она и представить не могла, что её родители-пекари состояли в древнем Ордене, истреблявшем рыщущих во мраке кровожадных тварей. Мервена не впервые пыталась подготовить дочь к судьбе «вестницы рассвета», но сейчас все эти речи вызвали только раздражение.

– Лучше бы рассказала ей, какие высокие башни в Савальхате, – не поворачивая головы, проворчал Рейнорт, после чего скрыл недовольство за шутливой интонацией: – Я вот слышал,

что на их острые шпили частенько нанизываются звёзды и висят там, пока не отвалятся. Потом их собирают и продают на рынке.

Девчушка с удивлением посмотрела на мать:

– Это правда?

Порой Мервена забывала, что Нактарра ещё ребёнок, не готовый к жестокости сурового мира, но в час беды и туманного будущего, наблюдая в сумеречном свете восторженное лицо дочери, очевидная истина щипала глаза подобно свеженарезанному луку. Женщина тихо вздохнула:

– Конечно... Смотри, что у меня есть... – она утопила пальцы в вырезе туники и извлекла простенький амулет: полупрозрачный камешек на потрёпанном шнурке. – Осколок звезды.

Пока девчушка с волнительным трепетом трогала старинный талисман, Мервена взглянула вдаль и, подтащив тяжёлый мешок, стала перебирать собранную на скорую руку поклажу: до мельницы оставалось каких-то три сотни метров – стоило озаботиться источником света. В отличие от костра, вынырнувшая из холщового плена жировая лампа позволяла коротать ночь без опасений привлечь излишнее внимание. Сквозь скрипучую песнь колеса и ритмичный стук копыт прорезался дуэт кресала и кремня. К моменту, когда на торчавшем из медного носика фитиле вспыхнул огонёк, осмелевшая Нактарра рискнула заключить «осколок звезды» в кулак.

– Как здорово! – вдруг радостно воскликнула она. – Я чувствую звёздное тепло!

Вмиг обернувшийся Рейнорт застал тревожное лицо Мервены и счастливую улыбку дочери. Но едва он потянулся к ножнам на поясе, слух обжёг глухой стук с обрывком лошадиного ржания. Мужчина успел заметить, как от головы падающего жеребца отлетает булыжник. В следующую секунду телега с грохотом перевернулась.

* * *

Нактарра очнулась оттого, что в лёгкие удушливым потоком вползала дорожная пыль. Оторвав лицо от каменистой обочины, она громко закашлялась и с трудом перевернулась на спину. Над головой чернело ночное небо с россыпью мелких звёзд. Чем дальше она смотрела в него, тем сильнее ощущалась боль в затылке и левом плече. Во рту стоял солоновато-металлический привкус от прикушенной во время падения щеки. Теперь девчушка чувствовала и её. Язык несколько раз коснулся кровоточащей ранки, после чего проснувшиеся эмоции вырвались наружу горячими слезами.

– Мама... Папа... – еле слышно пробормотала Нактарра. – Я здесь...

Ответа не последовало. Лишь зловещая тишина, нарушаемая мерным потрескиванием огня, отсветы которого изредка долетали до лица.

– Помогите... – переполненный отчаянием голосок прозвучал громче, напомнив жалобное мяуканье котёнка.

Но вокруг царило мучительное безмолвие: такое же непроглядное, как наступившая ночь, такое же холодное, как впивавшиеся в спину камни. Приступ страха вынудил девчушку перевернуться на живот и встать на четвереньки, невзирая на боль, которая с каждой минутой только усиливалась. От слёз в глазах плясавшее на холщовом мешке пламя казалось маленьким солнцем с длинными, тонкими лучами. Мерцающий свет играл тенями разбросанных по дороге вещей, а чуть дальше высилась перевернутая телега с отсутствующим колесом. За повозкой темнела какая-то груда: мокрый взор не сразу признал в ней неподвижно лежавшего гнедого жеребца.

– Маяк... – смахнув слёзы, Нактарра сразу же поднялась. Она знала, что такое смерть: не раз видела, как падали на землю головы бойких петухов, а их окровавленные тела ещё несколько секунд продолжали слепой бег в никуда, пока не заваливались набок и не замирали в угасающих трепыханиях. Страх потерять самого большого и сильного друга детства, того, кто никогда не дразнился и хранил в тайне все сокровенные секреты, впился в душу

подобно ножу. Черета робких шагов. Нарастающий стук сердца. Испуганный взгляд девушки обречённо бродил по морде коня в надежде уцепиться хоть за малейшие признаки жизни, но надежда неумолимо таяла: неподвижные карие глаза, вываленный на дорогу язык и стекавшая из ноздри струйка крови. Под ухом же зияла глубокая рана, словно коня ударили молотком.

– Ма... як... – подавившись всхлипом, заревела Нактарра. – Не-е-ет...

Охватившее душу опустошение полностью заглушило боль от увечий. Однако эти страдания не могли сравниться с тем, что ждало её впереди, когда, проплакавшись, девчонка подняла горящий мешок и, разгоняя полночный мрак, обошла телегу.

С другой стороны повозки, прислонившись к дощатому дну, сидела Мервена: разодранное горло окрасило бежевую тунику в тёмно-красный цвет, бледные, перепачканные кровью руки сжимали арбалет, а подёрнутые пеленой смерти глаза печально смотрели на два лежавших посреди дороги тела. Одно из них принадлежало Рейнорту. Его голова, раздавленная словно гнилая тыква, покоилась в центре блестящей бордовой кляксы с осколками черепа и серыми ошмётками мозга. Рядом, с торчавшим из груди оперением и обезображенным, растрескавшимся лицом, лежал незнакомец, которого отец мёртвой хваткой удерживал за ноги.

Не проронив ни слова, Нактарра подняла взор к бездонному звёздному небу, даже не чувствуя, как взбравшееся по мешку жгучее пламя принялось облизывать пальцы...

Глава 4

Осень покорила Виверхэль семимильными шагами: полыхала яркими кронами деревьев, шуршала низко склонившимися травами, наполняла воздух сонной прохладой, которую не мог развеять даже прекрасный солнечный день. Вдалеке, по левую руку от всадников, тянулись красные гребни скал. Поначалу боковое зрение Лайлы приняло их за осенний лес, всецело облюбовавший каменные верха, но, повернув голову, она поняла: это те самые жгучие мхи, о которых, закатывая глаза, вспоминали странствующие торговцы на корабле. Вампирише захотелось расспросить Рэксволда о них поподробнее. Однако переведённый на ассасина взор вынудил её придержать проснувшееся любопытство: уж больно раздражала издевательская улыбка убийцы, то и дело поглядывавшего на притороченный к седлу медный таз.

– Давай уже, пошути насчёт моего желания мыться с комфортом, – с упрёком вымолвила Лайла.

– Что ты... И в мыслях не было, – в последний раз ехидно улыбнувшись, Рэксволд напустил на себя невозмутимую серьёзность.

– То есть не из-за этого твоя улыбка была ядовитее красных мхов? – вампириша решила направить разговор в нужное русло, попутно показав эрудированность в вопросах виверхельской флоры, такую же фальшивую, как последующий ответ ассасина.

– Это у меня лицо такое, – стараясь не запятнать губы ухмылкой, бросил Рэксволд.

«Несомненно, дело в лице, а не в дурном, отвратительном характере» – хотела сказать Лайла, но только миловидно поморгала и улыбнулась.

– А вообще... – потянувшись в седле, убийца зевнул. – Не всё, что ядовито – бесполезно. Потому не надо тут хаять красные мхи.

– Кажется, в Эльтароне ты был иного мнения, – донёсся голос Джона сзади. – И какая же от них польза? Кроме жгучего сока, совершенно бесполезного в алхимии, – следопыт поравнялся с ассасином и, взяв покороче поводья, направил на него победоносный взгляд знатока.

– Прямо свет клином сошёлся на алхимии... Сразу видно, что вы не местные, – со скукой отмахнулся Рэксволд и замолчал, чем ещё больше заинтересовал обоих собеседников.

– Почему это? – не выдержала вампириша, пристально наблюдая за убийцей.

– Да будет вам известно, – после небольшой паузы с важным видом заговорил Рэксволд, – что там, где есть красные мхи, почти не водится воровского отребья.

– Что-то не улавливаю связи... – Джон приподнял бровь и посмотрел на Лайлу. Судя по озадаченному лицу, она тоже не видела логики в странном умозаключении.

– Я и говорю: не здешние... – с довольным смешком изрёк ассасин.

– Да не томи ты уже, – поудобней усевшись в седле, шутливо возмутился следопыт. – Давай рассказывай: чем твой чудо-мох воров отпугивает.

– Так и быть, – Рэксволд вздохнул, словно каждое слово давалось ему непосильным трудом. – Ну, смотрите... Вот попался такой голубчик на краже скота, и что с ним крестьянину делать? Сдать страже в ближайшем городе – по горным склонам путь не близкий, взять с него – нечего, а убивать за такой проступок – уже преступление. Оттого соберутся мужики, разденут вора догола и погонят босиком по красным скалам, нахлёстывая по спине хворостинами.

– Оригинальная традиция, – впечатлённо промолвила Лайла. – После такого позора точно воровать не захочется.

– Ага. Только позор не самое страшное. Это вам не крапива: ноги опухнут так, что дня три никакой сапог не налезет. Начнёшь чесаться и всю кожу на ногтях оставишь. А, между прочим, бывали случаи, когда голозадые беглецы спотыкались... – Рэксволд рассмеялся, видя, как поморщился Джон, однажды уже прочувствовавший на своих руках изуверское действие красного мха. – Но самый смак в том, что пока не отлежишься где-нибудь подальше ото всех, можешь повторно огрести от других крестьян, которые по раздутым ногам ещё издали признают в тебе вора. В общем, один раз попадёшься – на всю жизнь запомнишь...

Эрминия ехала позади, молча слушая разговор и украдкой поглядывая в заткнутое за наруч крохотное зеркальце на удаляющийся город. Для неё неписанные законы Виверхэля уже давно не были открытием: ещё до того, как она впервые ступила на земли горного королевства, Рэксволд поведал ей все особенности местного быта. Во многом воительница находила их справедливыми, хотя после сурового севера, где избитых до полусмерти воров обычно топили в проруби, а убийц заживо скармливали свиньям, они казались слишком мягкими. В очередной раз осторожно повернув запястье, чтобы ненароком не отбросить предательский отблеск, она посмотрела в зеркальце и вдруг вспомнила, как, находясь во власти дурмана, свела крестьянскую кобылу, вдобавок чуть не убив так не вовремя зашедшего в сарай мальчика. А что, если бы за лошадьё пришёл не мальчишка, а парочка крепких крестьян? Видимо, длинный список невинных жертв пополнился бы новыми именами. Насколько просто она могла отнять чужую жизнь... Даже вырезать целую деревню, что едва не произошло в Великоречьи. А ведь эти люди всего лишь требовали уважения к своим обычаям. Эрминия поймала в зеркальце отражение своего лица: размытые тенью капюшона строгие черты – безликое чудовище, недостойное и подобия жизни. Почему Рэксволд не дал ей просто сдохнуть?.. Конечно... Во всём виноваты его слепая любовь и безумная вера в искупление. Только они и поддерживают тонущий рассудок на плаву, иначе она давно бы приняла заслуженную смерть, навсегда освободив себя от стеклянных скрипов треснувшей души.

Накренившееся зеркало полоснуло глаза осенним солнцем, и Эрминия мысленно чертыхнулась. Проклятые терзания. Отвлекают от важного дела: следить за тем, чтобы из города за ними не увязался «хвост». Палачи «Апофеоза» могут знать Рэксволда или располагать информацией о нём и тогда в его вооружённой двумя клинками таинственной спутнице заподозрят персону для ликвидации. Однако, даже если так, наёмный убийца не станет нападать в людном месте и предпочтёт убедиться, что под капюшоном точно скрывается голова, отмеченная в «Книге смерти», куда попадает всякий, нарушивший кодекс «Апофеоза». А потому дерзкое посещение самых оживлённых мест Савальхата с дальнейшим выездом за его стены – отличный способ получить ответ на животрепещущий вопрос: осталось ли их прибытие незамеченным? В любом случае с самого первого шага по пирсу она готова к внезапной атаке. Как и незаметно поглядывающий по сторонам Рэксволд, красочно рассказывающий о жившем в соседнем лесу медведе-шатуне, который каждую зиму марал снег обглоданными телами путников. Посвящать

Джона с Лайлой в опасный план они не стали, чтобы поведение друзей казалось естественным и не вызывало подозрений у возможных наблюдателей. Если таковые имеются, то встреча с ними, вероятно, произойдёт в Элберанском Ущелье – идеальном месте для засады, где они окажутся через пару часов.

Джон недоверчиво смотрел вдаль, на горевший осенними красками лес, что упрямо взбирался по скалистому холму, устилая его подножие красно-жёлтым полотном:

– Три года изловить не могли? Да ещё и зимой, когда следы на снегу как на ладони? Тут до города рукой подать. В Савальхате перевелись охотники? – он усмехнулся и взглянул на Рэксволда.

– Это тебе не Эльтарон, – с явным пренебрежением ответил ассасин. – Здесь пещер больше, чем дырок в сыре, и некоторые простираются на грёбанные мили... В них вошло и не вышло немало спущенных гончих... Хотя... кому я это говорю? – он махнул рукой. – Такой охотник, как ты, конечно же, выследил бы его за день и без собаки, – Рэксволд бросил на следопыта на редкость жгучий взгляд – словно перцем осыпал.

Джон понял, что случайно задел его за больное: несмотря на эльтаронское происхождение, Рэксволд всегда считал своей родиной Виверхэль, и, судя по всему, долгожданное возвращение обострило его патриотические чувства. Любое замечание касательно горного королевства переполняло и без того неглубокую чашу терпения, которое выплёскивалось за край словесной желчи. Следопыт уже дважды пожалел, что ляпнул, не подумав.

– Пещеры... Это проблема, – сказал он после тяжёлого вздоха. – Беру свои слова обратно. На губах ассасина заиграла знакомая, пропитанная язвительностью улыбка:

– А я уж решил: расскажешь, как мишек голыми руками душить.

– Как-нибудь в другой раз, – переминая пальцами поводья, отшутился Джон.

– Я полагала, Виверхэль славится только обилием волков и змей, – задумчиво промолвила Лайла. – Но, если есть вероятность встретить медведя, о его приближении вы будете знать заранее, – заключила она, намекая на вампирическое обоняние.

– Только если мишку зовут не Фасхад, – насмешливо заметил убийца, едкая натура которого окончательно вырвалась на свободу.

Где-то глубоко внутри Лайла подозревала, что если Рэксволд придержит острый язык дольше, чем на час, то крутящиеся на нём колкости сначала образуют страшную мозоль, а потом и вовсе сотрут его до самого основания. Проще было принять ассасина таким, какой он есть. Но она не искала лёгких путей.

– Рэксволд, Рэксволд... А не напомнить ли тебе, кто обезоружил отшельника? – спокойно отпаривала вампирша. – И это была лишь проба пера. По сравнению с той скромной искрой мои сегодняшние умения достигли впечатляющего уровня. Ты можешь оценить его по достоинству, если присоединишься к нашим с Эрминией тренировкам. Я найду, чем тебя удивить... – наблюдая, как посерьёзнел ассасин, она невинно улыбнулась.

– Я давно отвык от тренировочных боёв, – неохотно ответил Рэксволд. – Не хочу тебя ранить.

– Жаль, – разочарованно сказала Лайла. Она подчеркнула ответ крайне выразительным взглядом: этого было достаточно, чтобы осадить зарвавшегося убийцу.

– Езжайте прямо. Я догоню, – буркнул ассасин, после чего резко натянул поводья, решив подождать Эрминию.

Джон проводил глазами остановившегося Рэксволда и направил шагающего Бамбука поближе к Фелниере.

– Я заинтригован, – негромко произнёс следопыт. – Месяц упорных тренировок, а мне до сих пор не довелось увидеть, чему ты научилась...

– Ты правда хочешь знать? – с лёгким недоверием спросила Лайла.

– Очень. Мне действительно интересно.

– Даже то, что я ещё никому не показывала? – вампириша хитро прищурилась.

– Сказала она, состроив плутоватую лисью мордочку... – заулыбался Джон. – Теперь я точно должен увидеть это первым.

Лайла смущённо хихикнула и, подъехав вплотную, деловито помахала ладонью:

– Двигайся.

Немного удивлённый воин сместился на круп, позволив вампирше перебраться на Бамбука и сесть задом-наперёд в седле. Пара поводьев оказалась вмиг заброшена на переднюю луку.

– И... что дальше? – следопыт озадаченно глядел в изумрудные глаза напротив.

Лайла сложила ладони Джона так, будто он держал ими пригоршню песка, а сверху накрыла своими, образовав купол с небольшим вырезом:

– Смотри...

В темноте рук засиял оранжевый свет: ожили колдовские руны Лайлы, с которыми она расставалась разве что на время сна. До мозолистой кожи следопыта долетело источаемое ими тепло, а спустя несколько мгновений внутри закружились крохотные искры. С каждой секундой маленькое созвездие всё больше напоминало огненную лошадь, пока наконец не обрело форму единорога.

– Это что? Настоящий единорог?! – изумился Джон, не в силах оторвать взгляд от бьющего копытом существа на своих ладонях.

– Нет, конечно, – тихо рассмеялась вампириша, – Всего-навсего красивая иллюзия. Художественно оформленное пламя.

– Обычный огонь? Постой... Тогда почему он меня не обжигает?

– Я полностью контролирую его.

– Удивительно, – улыбнулся следопыт, чувствуя себя не бывалым воином, а замороженным игрушкой ребёнком. – А потрогать можно?

– Если только осторожно... – в голосе Лайлы промелькнула неуверенность.

– Или лучше не стоит? – уловив оттенок сомнения, Джон поднял серые глаза, ожидая встретиться с возлюбленной взглядом, но её взор был прикован к пламени. Он уже и забыл, что она не могла поддерживать магию без прямого зрительного контакта.

– Стоит, – на этот раз без колебаний ответила вампириша. – Ну же... Давай... – Лайла настолько сконцентрировалась на огненной иллюзии, что даже не заметила, как перестала ощущать сотню привычно витавших в воздухе запахов.

– Ладно... – следопыт начал медленно загибать безымянный палец, пока не коснулся им пламенного бока единорога. Он моментально почувствовал жар, но не испепеляющий, а приятный, слегка щекочущий. Последний раз Джон испытывал нечто похожее, когда, будучи озябшим и насквозь промокшим, сел греться у ночного костра.

– Это так странно... – пробормотал воин, поглаживая причудливую огненную лошадь, такую невесомую и в то же время невероятно осязаемую. – Словно трогаю кусочек солнца...

Лайла ничего не ответила, а единорог вдруг повернул голову и с любопытством обнюхал палец следопыта.

– А теперь мне почему-то кажется, что я сильно перебрал в таверне... – со смешком прокомментировал Джон. – Нет, серьёзно, он как живой...

Вампириша не выдержала и звонко рассмеялась, отчего иллюзия распалась на множество гаснущих искр.

– Ну вот... исчез... – следопыт с досадой разглядывал пустые ладони. Он поднял взор и, встретившись взглядом с девушкой, одобрительно закивал: – Впечатляет. Правда. Всегда знал, что ты умница.

Воин ласково провёл рукой по волосам Лайлы, заботливо заправив за ухо растрёпанную ветром прядь. Подобно нежащейся на солнце кошке, она прикрыла от удовольствия глаза, чуть наклонив голову набок.

– Продолжай, – промурлыкала вампирша. – И, возможно, я открою тебе ещё один секрет...

– Вот как? – воодушевлённо отозвался Джон. Его пальцы осторожно соскользнули на шею девушки. – Хочешь удивить меня ещё больше?

– Думаешь, не смогу? – игриво промолвила она, ощущая нежные прикосновения.

– А вдруг нет? – с провокационным задором ответил следопыт. – После такого лихого представления, тебе придётся хорошенько постараться...

– Неужели ты так плохо меня знаешь? – не открывая глаз, Лайла поманила его пальцем и, изящно обняв приблизившийся торс, страстно прошептала воину на ухо: – Я могу создать иллюзию размером с Бамбука.

Рука Джона неожиданно замерла.

– Что-то не так? – невинным голоском поинтересовалась вампирша.

Она отклонилась назад, чтобы в полной мере насладиться произведённым эффектом. На лице избранника застыла немая задумчивость: он представлял услышанное в голове и, судя по протупавшему изумлению, весьма успешно.

– Это же... двухметровая огненная махина?! – наконец ошарашенно выдал следопыт.

– И мой главный козырь в грядущем бою с Эрминией, – смотря на угасающую колдовскую руну, гордо добавила Лайла.

Удивлённо вздрогнув бровями, Джон демонстративно закашлялся в поднесённый ко рту кулак.

– Полагаешь, не впечатлит её? – попыталась угадать его мысли вампирша.

– Да нет... Просто поражаюсь масштабам ваших тренировок, – следопыт тяжело вздохнул и на секунду оглянулся: – Зато теперь понятно, зачем Рэкволд с Эрминией тащат ту баллисту.

– Что? – растерянно обронила Лайла, выглянув из-за могучего плеча воина на едущих позади всадников, что-то приглушённо обсуждавших на виверхэльском языке. Естественно, никакой баллисты у них не было, и, когда Джон разразился хохотом, она почувствовала себя неловко.

– Шутки, значит, шутить вздумал? – мстительно прищутив глаза, вампирша незамедлительно одарила следопыта звонким щелбаном.

– Ау, – Джон со смешком потёр лоб. – Вроде принцесса, а бьёшь как заправский... – он так и не договорил: оказалось, очень сложно подобрать определение девушке, недюжинной силе которой могли позавидовать все, кого ему когда-либо довелось знать, начиная с крепких солдат и заканчивая легендарными воителями.

– Как кто? – оживлённо полюбопытствовала Лайла. – А, Джон?

Наблюдая, как она поднимает руку, смыкая пальцы в кольцо, следопыт снова вздохнул и покорно зажмурился. Однако вместо ожидаемого щелбана, он вдруг ощутил поцелуй, настолько долгий и чувственный, что, когда вампирша наконец освободила его губы от ласк, не сразу открыл глаза.

– Ты сводишь меня с ума, – вполголоса сказал Джон и влюблённо посмотрел на девушку.

– На меньшее я и не согласна, – с обольстительной улыбкой ответила Лайла, после чего изящным жестом пощекотала подбородок воина, слушая, как шелестит под пальцами чёрная жёсткая борода.

Очарованно глядя друг на друга, они уже и забыли, что едут не одни, но нарастающий стук копыт вернул их в реальность.

– Хватит обжиматься, – бросил поравнявшийся с ними Рэксволд. – Не то так до зимы тащиться будем, – на него уставились две удивлённые пары глаз, и он активно замахал рукой: – Давайте, давайте! Нужно ускориться.

– Как обычно... – печально промолвила Лайла, снимая с луки поводья и неохотно перебираясь на Фелниеру.

– К чему такая спешка? – Джон пересел в седло.

– На востоке, – по левую руку от него вырисовалась Эрминия.

Следопыт обратил внимание на потемневший кусок горизонта, который растекался по голубому небу свинцовой серостью:

– Тоже мне – панику развели. А я уж думал: что-то серьёзное. Ну, вымокнем немного. В первый раз, что ли?

Рэксволд посмотрел на мечника как на умалишённого и, видя, что тот действительно не собирается подгонять шагавшего жеребца, недоумённо проговорил:

– Ты идиот или притворяешься? Гроза, Джон!

– И? – с непониманием произнёс следопыт. – Ты думаешь, я грома боюсь?

– Похоже, он не знает, Рэкси, – придерживая капюшон, воительница повернула голову и взглянула на ассасина.

– Угу... Ладно Лайла, но ты... – он осуждающе покачал головой и поцокал языком. – Нда. А ещё путешественником назвался...

– Да что я должен знать-то?! – не выдержал Джон, которого сложившаяся ситуация уже начала выводить из себя.

– Неужели здешние грозы чем-то отличаются от эльтаронских? – всматриваясь в расплывшиеся тёмные облака, вампирша беспокойно наматывала прядь на указательный палец.

– А вы не спешите и скоро узнаете, – Рэксволд поднял коня в галоп и стремительно помчался вдаль.

– Не советую, – сухо изрекла Эрминия, поправляя заткнутое за наруч зеркальце перед тем, как последовать за убийцей.

– Ох, если это очередная шутка, я ему точно накостыляю, – вслед удаляющимся спинам проворчал Джон, хотя интуиция настойчиво твердила, что правда на стороне ассасина: как минимум казалось странным отсутствие странников на дороге, ведущей к крупному городу.

Решив не испытывать судьбу, следопыт с вампиршей догнали спутников, которые, доехав до развилки, направили лошадей к началу извилистой горной дороги. Взбравшийся ввысь узким серпантинном подъём обещал немало трудностей.

* * *

В Бухте Справедливости, которая располагалась на покатом побережье чуть южнее Савальхата, часто гостил ветер. Уставая короновать волны белыми гребнями и обглаживать скальный мох, он возвращался к большому раскидистому дереву, чьи мощные ветви гнулись под весом болтавшихся на нём мертвецов, в прошлом известных пиратов. Их свозили сюда со всех частей королевства, чтобы предать казни и сделать частью символа, призванного внушать ужас всем, кто промышлял морскими грабежами.

Вот и сегодня, сидя на лошади со связанными руками и петлёй на шее, очередной кандидат на вздёргивание ждал своей участи. Плотная повязка на глазах не давала ему увидеть группу солдат, что громко хохотали, глядя, как плюгавенький, упитанный офицер примеряет круглую золотую серьгу, изображая бравого пирата.

– Оставлю себе, – наконец убрав украшение в карман кителя, Годверк покосился на преступника и злорадно добавил: – Тебе она всё равно не пригодится.

Черноволосый кудрявый флибустьер хранил молчание. Он самозабвенно вслушивался в наполнявшие округу звуки. Покачиваясь на ветру, на все лады скрипели верёвками исклё-

ванные птицами, гнилые мертвецы; перестукиванием костей и шуршанием обрывков кожи о трагичном первенстве заявляли ветхие скелеты – все они рассказывали пойманному пирату свои истории, но очередной возглас офицера заставил усопших замолчать.

– Эй! Чего притихла, шваль морская? Страшно небось?! – лейтенант довольно усмехнулся. – Неуловимый Густаф... Попался как ребёнок и теперь сдохнешь на суше, будто крыса помойная. Хотя... ты и есть помойная крыса!

– Страшно... – с эльтаронским акцентом ответил флибустьер. – У меня аж член задёргался как гадюка. От ужаса, видимо, – он расплылся в издевательской ухмылке. – На море взять не смогли, так в порту с девки стащили... Кстати, про ребёнка... У меня вопрос тут появился: часто местные дети по борделям шляются или ты по своим вырождакам судишь? Хотя подожди, не отвечай. Я уже и сам догадался: они у тебя там на хлеб зарабатывают. Плешивый папашка-то всё на выпивку спускает! – пират разразился задорным хрюкающим смехом.

– Шаромыжная свинья! – рассвирепевший офицер выхватил у солдата копьё и, размахнувшись тупым концом, со свистом обрушил древко на лицо преступника так, что тот едва не свалился с лошади, ещё ту же затянув петлю на шее.

– Хряк, – выровнявшись в седле и облизав разбитые губы, поправил его Густаф.

– Какое же удовольствие – выдернуть лошадь из-под твоей задницы, – Годверк взял кобылу под уздцы, – смотреть, как ты дёргаешься в петле... – он не глядя бросил оружие копейщику.

– Даже если так... – улыбнулся флибустьер, роняя кровь на ярко-жёлтую рубаху, наполовину разодранную стражей при поимке. – Я уже чертовски знаменит и умру свободным, как ветер. Ты же навсегда останешься мелкой сошкой, отрывкой гарнизона. Будешь на побегушках у закона, пока яйца не поседеют. А потом о тебе никто и не вспомнит.

– Ну-ну. Пиратское отребье, – сквозь зубы процедил Годверк, после чего намотал кожаный повод на ладонь. – Властью, данной мне, я приговариваю тебя...

– Лейтенант... – обратился к офицеру высокий лучник, заметивший выросшую в прибрежных волнах голову.

– Что?! – зло рявкнул Годверк и обернулся. Отследив пристальный взор солдата, он теперь и сам видел выходившего из моря человека.

Высокий воротник кроваво-багрового плаща скрывал лицо незнакомца, как и надвинутая на глаза шляпа, отличавшаяся округлой тульёй и твёрдыми прямыми полями. Далёкий от виверхэльской моды внешний вид выдавал в нём чужестранца, но отнюдь не объяснял его странного появления из воды, когда на горизонте не было ни единого корабля. Более того, чужак казался полностью сухим! Выйдя на берег, он без спешки прошёл мимо группы солдат и, не удостоив их даже беглым взглядом, направился вдаль.

– Эй ты, – окликнул его офицер. – А ну, стой...

Человек не замедлил шага, не повернул головы – продолжал медленно отдаляться.

– Эй ты, в плаще, я к тебе обращаюсь! – повысил голос Годверк, но приказной тон не возымел никакого эффекта. – Глухим, значит, решил прикинуться... – разозлился лейтенант.

– Похоже, я пропускаю что-то интересное! – заёрзав в седле, радостно воскликнул Густаф.

– Закрой рот! Ты без двух минут покойник! – офицер отпустил поводья, сцепил руки за спиной и кивнул на чужака: – Ланс, а пусти-ка стрелу ему в ногу. Авось слух прорежется.

– Слушаюсь! – солдат сорвал с плеча лук. Остриё стрелы блеснуло сталью и, будучи готовым впиться в плоть, под дрожь тетивы устремилось к укрытым плащом ногам незнакомца.

Годверк мерзко ухмыльнулся: он одинаково ненавидел пиратов и чужеземцев, а уж когда последние становились первыми, с удовольствием вздёргивал их на «Древе Справедливости». Вот и сейчас лейтенант тешил себя мыслью, что чужак окажется ещё одним пойманным преступником, которого потопившее корабль море изрыгнуло на берег подобно дохлой рыбе. Но,

увидев, как сломанная стрела отскочила в сторону, Годверк изменился в лице. Доспехи? Как тогда, чёрт побери, ему удалось доплыть до суши?! Ответа не нашлось и в глазах трёх растерявшихся солдат.

Неизвестный медленно остановился, но не обернулся, будто внезапное нападение его совсем не беспокоило. После недолгих размышлений, он вновь зашагал вперёд, к видневшейся вдали дороге.

– Ещё одну! – скомандовал разъярённый офицер, глядя, как стрелок с недоумением опускает лук. – Целься в голову!

– А-а-а! Снимите повязку! Я явно пропускаю самое веселье! – возбуждённо завопил Густаф.

Представители закона не слушали флибустьера: их внимание целиком и полностью поглотил странный человек в плаще.

С тугой тетивы сорвалась вторая стрела – преодолев три десятка метров, она угодила незнакомцу в затылок и с треском разлетелась на две части.

Выпучившие глаза солдаты, во главе с поражённым офицером, наблюдали, как чужак замедляет шаг, чтобы остановиться.

– Заговорённый... – испуганно прошептал лучник.

Замерев на солёном ветру, неизвестный так и не повернулся. Он неспешно отвёл плащ с левой стороны – на багровое плечо легла длинная серебристая трубка, глянувшая чёрным отверстием на стоявших позади людей.

До солдат долетело тихое потрескивание с нарастающим гулом, который оборвался, едва от конца трубки потянулась струйка сизого дыма.

– Какого... – фраза офицера осталась незаконченной: земля под ногами в радиусе десяти метров вздрогнула и, извергнув сквозь трещины оглушительный раскат грома, взметнулась вверх.

Густаф вдруг почувствовал, как вылетает из седла и, подчиняясь неведомой силе, переворачивается в воздухе. Он не успел понять, что произошло, но до последнего ждал, когда шею змеиным кольцом стиснет грубая петля, пока не упал наземь, разбив лоб об острый камень. Слева раздался треск ломающихся ветвей, а за ним – тяжёлый грохот упавшего дерева. Под стук земляного града, больно бьющего крупными комьями по телу, пират освободился от пут: не зря же он всё это время мучал пальцами верёвочный узел.

Сорвав с глаз надоедливую повязку, флибустьер прищурился от дневного света, а затем сразу же зажмурился, разгоняя ладонью ударивший в лицо едкий дым. Пришлось сделать несколько шагов в сторону, чтобы выйти из потока копоти. Как оказалось, это горел китель лейтенанта, точнее того, что от него осталось: верхняя половина туловища офицера распласталась на земле, выпустив обрывки розовых кишок, подобно щупальцам осьминога.

Покрутив головой, Густаф обнаружил себя на рыхлом дне огромной ямы, разделённой на две части рухнувшим «Древом Справедливости», сырые корни которого отчаянно впивались во вздыбившийся пласт почвы. И если почивавшие в грязи висельники были рады обрести долгожданную могилу, то оторванная голова копейщика протестующе скалилась сломанной челюстью. Поодаль из разодранного солдатского сапога выглядывала изувеченная ступня. На ней остался только большой палец с покосившимся, как старая крыша, жёлтым ногтем. Вместо остальных темнели круглые красно-коричневые ожоги, словно их отсекли раскалённым мечом. Пират медленно обернулся: за спиной лежала мёртвая кобыла без передних ног, с развороченным брюхом, обугленные рёбра которой напоминали разверзнутую пасть хищника.

Флибустьер сунул руку за пазуху, после чего извлёк из потайного кармана рубахи высохший стебелёк айватоса – растения, известного своим дурманящим эффектом. Нагнувшись и подпалив полую тростинку от тлевшего у ног обломка лука, Густаф поднёс её к обветренным, разбитым губам и с чувством непоколебимой безмятежности затянулся сладковатым дымом.

– Итак... Где моя серьга?

* * *

Джону был хорошо знаком виверхэльский ландшафт, в частности узкие горные тропки, вынуждавшие всадников вжиматься в отвесные скалы, чиркать о них коленями, чтобы ненадолго не сорваться в пропасть, подобно очередному задетому копытом камню. Являясь единственным обладателем массивного жеребца, следопыт с опаской наблюдал, как серый бок Бамбука и обитый железом сапог то и дело нависали над пустотой, простиравшейся вниз на добрые полсотни метров. Успокаивала лишь мысль о том, что друиды напроорочили ему смерть от ранения в грудь, и в видении он чётко помнил свои последние секунды на смертном одре. Падение в пропасть можно было исключить. По крайней мере, Джону хотелось в это верить. Да и погода для последних мгновений жизни оставляла желать лучшего: солнце скрылось за тучами и с посеревшего неба начинал накрапывать дождь.

Ехавшая за следопытом Лайла старалась смотреть только вперёд, не отводя напряжённого взгляда от его спины. О своей внезапной боязни высоты она узнала совсем недавно: пять минут назад, когда вереница всадников только ступила на опоясывавшую скалы дорожку. Пока они поднимались по склону, описанный Рэксволдом маршрут почти не беспокоил вампиришу, но как только взору открылся пейзаж с пылавшим далеко внизу жёлто-оранжевым полотном леса, то внутри всё съёжилось и возникло безумное желание вернуться в город, в уютную таверну, где подают вкусных копчёных змей, которых ей больше не доведётся попробовать, если Фелниера оступится. Сжимая дрожащей рукой поводья, а другой намертво вцепившись в седло, Лайла мысленно молилась всем известным ей богам, чтобы этот кошмар наконец закончился.

То ли дело Рэксволд, который на ходу сорвал растущий из скальной трещины бархатно-белый эдельвейс и, с улыбкой повернувшись, ловко бросил его едущей за ним Эрминии, что таким же непринуждённым движением поймала цветок. Северянка покрутила его в пальцах и, судя по нырнувшей в капюшон руке, даже понюхала. Джон, ставший невольным свидетелем опасной романтики, поднял задумчивый взор к небу и задался вопросом: как эта парочка вообще дожила до своих лет?

Сразу за горной тропкой начинался поросший жухлой травой, широкий уступ. Едва Фелниера перенесла на него последнее копыто, Лайла облегчённо вздохнула и решительно проговорила:

– Нет. Вы как хотите, а я обратно этой дорогой не поеду.

– А чего так? – усмехнулся Рэксволд. – Не нравятся горные пейзажи?

Вампириша пронзила ассасина красноречивым взглядом.

– Подумаешь, неженка какая, – искренне возмущился убийца. – Зато всё Савальхатское Нагорье насквозь пройдем за пару часов, – он кивнул на уходивший в недра скалы проход, облюбованный высокими кустами полусухой полыни. – Нет у меня желания телепаться целый день по «красным» дорогам, высматривая каждую тучку на небе.

– Сейчас бы только в какие-то шахты на лошадях соваться, – пробурчал следопыт, заметив за растениями растрескавшуюся бревенчатую опору. – Да и не часто тут ездят, смотрю... А вообще... – сложив руки с поводом на луке седла, он строго посмотрел на Рэксволда. – Не хочешь ли рассказать, что ещё за «красные» дороги? И какого чёрта мы на гору как оголтелые неслись?

– Я тоже не отказалась бы послушать, – поддержала Джона вампириша.

– Любознательные какие... – ассасин поочерёдно переводил взгляд между спутниками. – Ладно. Будет вам урок виверхэльской жизни, – он потянулся в седле и, небрежно развернув жеребца, подъехал к краю обрыва. – Красные мхи по осени сыплют спорами, не менее жгучими, чем они сами. Хапнете такой пыли и, скорее всего, подохнете от удушья, – убийца развёл руками. – Обычно едкая дрянь лежит на скалах, но паскудные прибрежные грозы успевают

дотащить её до некоторых дорог, а иногда и городов прежде, чем дождь прибьёт всё это «счастье» к земле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.